

СТИХИ

1954
109а
9

СТИХИ
1954
109а
9

ГОСЛИТИЗДАТ
1955

СТИХИ 1954 года

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1955

Составили:
К. М. СИМОНОВ, Н. С. ТИХОПОВ,
С. П. ЩИПАЧЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник стихов ставит своей задачей ознакомить широкие круги читателей с некоторыми итогами творческой работы русских советских поэтов за прошлый год.

В него включены наиболее значительные стихотворения и поэмы из числа опубликованных в 1954 году как в периодической печати, так и в отдельных книгах.

Составители не могли не учитывать богатство творческих индивидуальностей и стилей нашей поэзии и поэтому при отборе стремились оставить в сборнике произведения, в которых наиболее ярко проявились черты творческого своеобразия их авторов.

Желая представить разнообразие тем и мотивов советской поэзии, составители включили в сборник произведения, в которых нашли отражение многие важные явления в жизни нашей страны, и отвели значительное место лирике, раскрывающей богатый душевный мир советского человека.

Начало, положенное сборником, будет продолжено и в последующие годы.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Маргарита Агашина

ДЕТИ СТАЛИНГРАДА

Это здесь была война когда-то,
а теперь — сады, цветы, жара.
Улицами города-солдата
с шумом пробегает детвора.

Новые дома. А с ними рядом
кирпичи обугленной стены.
Родились ребята в сорок пятом
и уже не видели войны.

Им о ней рассказывают деды
и отцы, строители Рынка,
и большой экран кино «Победа»
старым кинофильмом «Сын полка».

Гаснет свет, и жадными глазами
ребятишки в прошлое глядят.
И оно проходит в темном зале
шагом наступающих солдат,

грохотом далекого снаряда,
немудреной песенкой бойца,
силой правды, славой Сталинграда,
орденом и ранами отца...

Все мальчишки нашего квартала
в этот вечер спорят о кино.
Им, как говорится, дела мало,
что давно на улице темно.

Их ссылают матери с балкона
вековечным криком: «Спать пора!»
Где-то у истоков Волго-Дона
солнце притаилось до утра.

Белые акации из сада
подошли к открытому окну...
Крепко спится детям Сталинграда,
лишь в «Победе» видевшим войну.

О С Е Н Ь

Выйду к лесу, тонкой веткой хрустну,
оборву тенёт тугую нить...
Осенью всегда бывает грустно,
даже если не о чем грустить.

Подойду к красавице-рябине,
руку ей на шею положу.
По какой, единственной, причине
я грущу,— тихо́нько расскажу.

Мой упрямый, я тебя прошу,
ты прости мне эти разговоры.
Я всегда молчу про наши ссоры —
сору из избы не выношу.

А сейчас — никто ведь не узнает:
зиму всю рябина смотрит сны.
И во сне красавица лесная
мой рассказ забудет до весны.

Только пусть его подхватит ветер
или даже сразу все ветра:
много ведь людей на белом свете
ссорятся, как мы с тобой вчера.

Пусть же ветры возле них повьются,
им расскажут наш вчерашний спор.
А они над нами посмеются
и не будут ссориться с тех пор!

Всеволод Азаров

*

УЛИЦА МАЯКОВСКОГО

Здесь жил
 двадцатилетний Маяковский.
Январской ночью,
 вглядываясь в тьму,
стоял он
 на безлюдном перекрестке
Жуковской и Надеждинской.
 Ему
хотелось отыскать
 такое слово,
чтобы оно своею
 простотой,
призывом,
 болью,
 правдою суровой
боролось с вековою немотой.
Как горьковский
 отважный буревестник,
он бурю ждал.
 Ее он торопил,
чтобы в могучий лад
 Октябрьских песен
войти
 всей полнотой душевных сил!
Чтоб на века
 в его строке
 остался ветер вольный,

и ленинская речь
 с броневика,
и осененный
 красным флагом Смольный!
...В военный год
 я шел по Маяковской.
Темнели доски
 деревянных штор.
Шагал пустынной улицей
 матросский,
наш город охраняющий
 дозор.
Обугленная
 синяя дощечка
стучала
 по обломкам косяка.
За Невским
 грохотал обстрел зловещий...
Но ты сильнее
 смертельного врага,
товарищ фронтовой,
 строка живая!
Я услышал:
 на радиоволне
гремело слово,
 залп опережая.
Был Маяковский
 с нами на войне.
...С тобою мы идем
 по Маяковской;
у дома,
 где когда-то жил поэт,
здесь
 веет краскою, известкой,
лежит на свежей кладке
 солнца свет.

Идут ученики
 из новой школы.
Шумят листвою прозрачной
 деревца.
В распахнутые окна
 новоселов
лип
 молодая падает пыльца.
Мы слышим
 стройку славящее слово,
стократно повторенное кругом,
и кажется,
 что Маяковский снова
в водовороте движется людском.
Ступает
 широтенными шагами
по обновленной
 улице своей
и пристальными
 добрыми глазами
глядит на нас,
 на школу,
 на детей!

Маргарита Алигер

*

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В южном городе был день морозный,
море поседело в этот день.
Нам прочла учительница грозный,
краткий бюллетень.
Умер Ленин.

Слушали мы стоя,
октябрю, первый класс.
С новым смыслом, с новой теплотою
отовсюду он смотрел на нас.
Он был нарисован на тетради,
он глядел из наших первых книг,
и в его знакомом остром взгляде
жизнь не угасала ни на миг.
Со стены,
с портрета в хвойной раме,
замкнутого траурной каймой,
он следил внимательно за нами,
проводил по улицам домой
школьников, мальчишек и девчонок,
октябрю своих, внучат своих,
мимо жалких мелочных лавчонок,
мимо магазинов дорогих.
На витринах — фрукты и конфеты,

шубки и шелка...

А ребята кое-как одеты,
кое-как накормлены пока.
Город южный, город многолюдный,
жил и расточительно и скудно.
Кто — кого! — суровые года...

Как ему, должно быть, было трудно
оставлять нас именно тогда.
Всей своей душою человеческой
он тревожился о нас.
Может, потому-то каждый встречный
в этот смутный час
на озябших малых ребятишек
пристальней глядел, шагая тише,
думая о них.
Это были люди трудовые:
рыбаки, ребята портовые,
железнодорожники седые
из Январских Мастерских.
Мы им стали ближе и дороже,
а они для нас —
все как есть на Ленина похожи
были в этот час.
Кто — лица характерною лепкой,
кто — улыбкой,
кто — примятой кепкой,
кто — прищуром глаз.
Ленинской заботой горячей,
доброй думой о судьбе ребячьей
нас они старались окружить.

Не умея, видимо, иначе
горе пережить,
не умея первое волнение
скрыть или сдержать,

первое свое стихотворенье
вечером писала я в тетрадь.
Я писала первыми словами,
первый в жизни раз:
«Он не умер. Он живет. Он с нами».
Я наутро с первыми стихами
прибежала в класс.
И, краснея, с робостью невольной,
до того как прозвенел звонок,
отдала учительнице школьной
вкривь и вкось исписанный листок.
Поглядела ласково и строго
на меня она из-под очков.
Перед ней уже лежало много
вкривь и вкось исписанных листков,
на которых первыми словами,
так же как и я:
«Он не умер. Он живет. Он с нами», —
написали все мои друзья.

За окном мела и выла вьюга.
Мы сидели, слушая друг друга,
сдержанны, тихи.
Друг за другом мы читали стоя.
Детских строк звучание простое, —
это было больше, чем стихи!
Сколько весен в море убежало,
отшумело гроз, взошло хлебов!
Но точнее не найти, пожалуй,
первых чувств и слов.
Если оглянуться: как мы жили?
Как мы нашей родине служили,
чувствам тем верны?
Может быть, помедлить нам с ответом?
Может быть, не нам судить об этом?
Может быть, видней со стороны?

А по-моему, как в раннем детстве,
в дни трудов, и праздников, и бедствий,
и вперед на тысячу годин
первыми горячими словами:
«Он не умер. Он живет. Он с нами»,—
вправе мы ответить, как один!

СЛОВО К МАТЕРЯМ

Матери, берегите детей!
Не от жгучего солнца,
не от свежего ветра,
не от дальних путей.
Берегите детей каждый день, каждый час,
свято помня с рождения, с первого года,
что они растут не только для вас,—
для родного народа.

Берегите детей
не от настежь открытых окон,
берегите везде и повсюду великий советский закон.

Берегите не ноги от сырости,
не желёзки на шее,
берегите детские души,— ранимей они и нежнее.

Не бойтесь разбитых коленок,
пятен на платье,
грязи на коже,—
это все отмывается обыкновенной водой,
и снова взглянуть приятно.
Берегите их совесть, она — дороже,
с нее не смываются пятна.

Матери, берегите детей
не от правды суровой —
от приукрашенной лжи,
от страшного трупного яда,
переползающего через рубежи.
А правды бояться не надо.

Говорите им правду,
как партия — коммунистам.
Самое трудное говорите прямо,
без утайки и без опаски.
Дети правду всегда понимают и поверят ей,
как самой прекрасной, удивительной сказке.
И какую великую радость найдут они в том,
что всегда и повсюду
суровою правдой
силен их родительский дом.

Берегите детей,
берегите их чувство достоинства,
чувство гордости, чувство чести
граждан первой свободной страны на земле,
государства труда.
Пусть гордятся тем, что мы им построили,
тем, что сами построят с друзьями вместе,
впервые в жизни,
впервые на свете,
навсегда!

Только вы берегите их от слепоты,
чтобы им не казалось прекрасным то, что худо.
Если это случится с ними,
они пропадут,
они упадут с высоты,
а это страшней, чем простуда.

Берегите детей
не от злых собак, не от бурь и дождей,—
от людей грабежа и наживы, которые всё ещё живы,
от их купли-продажи, от их огневых батарей.

Берегите мир на земле,
торжество справедливости,
трудовое народное братство —
всё, что нам революция завоевала,
неразменное наше богатство.

Матери, берегите детей! —
в этом будущего залог.
Матери, берегите детей
для прямых и далеких дорог!
И когда они вырастут, дорогие советские люди,
и когда они скажут: «Пора!»,
простятся,
шагнут за порог,
тем, кто так их берёг, за них уже страшно не будет!

Агния Барто

*

СОВЕТЧИК

Как-то в майский день погожий
Шел по улице прохожий.
Шел и что-то напевал,
С комарами воевал:
Щелкнет раз — и наповал!

Майским солнышком пригретый,
Шел парнишка не спеша,
Шел и всем давал советы,
Вот открытая душа!

Сад сажает садовод —
Алексей совет дает:
«Не пораньте корни!»
Во дворе звенит пила,
Он кричит: «А ну пошла,
Веселей, проворней!»

Малыши спешили в класс —
Пожелал пятерок
И сказал, что каждый час
Для работы дорог.

Учит деда Алексей
Возле птицефермы:
«Не кричите на гусей,
Птица будет нервной!»

Так он каждому с охотой
Даст совет со стороны.
Если б он еще работал,
Ему бы не было цены!

ЛЕШЕНЬКА, ЛЕШЕНЬКА...

«Лешенька, Лешенька,
Сделай одолжение:
Выучи, Алешенька,
Таблицу умножения!»

«Миленький, хорошенький!» —
Мама просит сына.
Ходит за Алешенькой
Чуть не вся дружина.

Охает вожатая:
«Единица в табеле!
Значит, мы внимание
К мальчику ослабили».

«Лешенька, Лешенька,
Сделай одолжение:
Выучи, Алешенька,
Хоть первое спряжение!»

Отвечает Лешенька:
«Вы просите пуще,
Я же несознательный,
Я же отстающий».

«Лешенька, Лешенька,
Сделай одолжение...»
С ним и в школе нянчатся,
И дома уважение...

...Так и не меняется
Это положение.

ДЕДУШКИНА ВНУЧКА

Шагает утром в школы
Вся юная Москва.
Народ твердит глаголы
И сложные слова.

А Клава-ученица
С утра в машине мчится
По Садовому кольцу
Прямо к школьному крыльцу.

Распахнется в «зисе»
Дверка —
Выйдет Клава-
Пионерка,
Глянет важно
Сверху вниз
И в гараж
Отпустит «зис».

Учитель
Седовласый
Пешком приходит
В классы.

А Клавочка — в машине.
А по какой причине
И по какому праву
Везет машина Клаву?

«Я дедушкина внучка,
Мой дед — герой труда...»
Но внучка — белоручка,
И в этом вся беда!

Сидит она, скучая
И отложив тетрадь,
Но деду чашки чая
Не вздумает подать.

Зато попросит деда:
«Ты мне машину дашь?
Я на каток поеду!» —
И позвонит в гараж.

Случается порою,
Дивится весь народ:
У дедушки-героя
Бездельница растет.

ЛЕНОЧКА С БУКЕТОМ

Вышла Леночка на сцену,
Шум пронесся по рядам.
«От детей,— сказала Лена,—
Я привет вам передам».

Лена в день восьмого марта
Говорила мамам речь.
Всех растрогал белый фартук,
Банты, локоны до плеч.

Не нарядуются мамы:
«До чего она мила!
Лучшим номером программы
Эта девочка была».

Как-то в зале райсовета
Депутаты собрались,
Лена — девочка с букетом —
Вышла к ним из-за кулис.

Лена держится так смело,
Всем привет передает.
Ей знакомо это дело:
Выступает третий год.

Третий год, зимой и летом,
Появляется с букетом:
То придет на юбилей,
То на съезд учителей.

Ночью Леночке не спится,
Днем она не пьет, не ест:
«Ой, другую ученицу
Не послали бы на съезд!»

Говорит спокойно Лена:
«Завтра двойку получу,
У меня районный пленум,
Я приветствие учу».

Лена — девочка с букетом —
Отстает по всем предметам!
Ну, когда ж учиться ей?
Завтра снова юбилей.

МОЛОДОЙ МАЛЯР

Ремешком подтянут ловко,
Кисть добротная в руке.
И сверкает лакировка
На тисненем козырьке.
Подмигнул столяр Герасим:
«Ты б веснушки смыл со щек».
«Подрастем, потом закрасим», —
Улыбнулся паренек.

Голубой разводит колер,
Красит школу по весне.
Голубеет небо в школе,
Краска блещет на стене.
Задержался на минуту;
Маляру глядеть смешно:
Краску с небом перепутав,
Воробей влетел в окно;
Будто он попался в клетку,
Заметался,
 как в огне,
Воробынью жилетку
Отпечатал на стене...

ЗВОНОК ИЗ КРЕМЛЯ

«Мама, ты слушаешь?
Это Вова!
Я из Кремля.
Объясню сейчас:
Как настоящий,
 честное слово,
В зале кремлевском
 костер у нас.
Мама, сперва мы пошли
 в покои,
В тереме
 мы увидели трон.
Трон — это кресло
 царя такое;
Белым шнурком
 отгорожен он.
Ну, а потом посреди палаты
Каждый показывал, что умел;
Птиц и колосья
 несли юннаты;
Планер бумажный
 на люстру сел.
Что?.. Подожди-ка
 одну минутку —
Целая очередь тут за мной.

Мама, из рук
 вырывают трубку!
Нет, я не скоро
 приду домой...
По телефону звони мне прямо:
Кремль. Дворец.
 Пионерский слет.
Вове Зубкову.
Ты слышишь, мама?
Что? Голоса?
 Это хор поет...»
.....
В эту минуту ясней
 и звонче
В трубку
 ворвался
 гул голосов:
«Взвейтесь кострами,
 синие ночи...
Близится эра
 светлых годов!»

Сергей Васильев

*

УКРАИНСКОМУ БРАТУ

Мы с тобой — одна натура,
корни кровные одни;
звонкострунная бандура
гуслим песенным сродни.
То, что думалось и пелось
нашим дедам боевым —
твердость, искренность и смелость, —
мы с тобой в душе храним.
Мы прошли с тобою вместе
все походы и бои.
И твои враги, — известно, —
с давних пор — враги мои.
В грозных заревах рассветов,
в страшном полуме войны
бились мы за власть Советов,
правдой ленинской сильны.
Ни чужой земли, ни неба
нам с тобой не надо, брат;
нет, не надо, ни, не трэба,
как в Полтаве говорят.
Мы и так землей богаты,
урожайною землей,
тонко пахнущею мятой,
высшей пробы золотой.

Мы ее раскрепостили
в гневном памятном году,
алым стягом осенили
у восхода на виду.
Нет насильников в России,
богачей-злодеев нет.
(Были некогда, да сплыли,
замело порошей след.)
Нет господ на Украине,
катов, спятивших с ума.
(Уж кого нэма в помине,
так действительно нэма!)
Наше общее богатство
перечислить не легко,
наше подлинное братство
велико и широко,
нерушимо и священно
над Днепром и над Невой.
Твой Шевченко — мой Шевченко,
мой Некрасов — он и твой.
Обнялась сосна Алтая
с белой вишнею сумской,
Мой Чапаев — твой Чапаев,
Щорс отважный — твой и мой.
Нет предела самой тесной
дружбе Киева с Москвой,
самой чистой, самой честной,
самой-самой ключевой.
Той, которая веками
охранит любовь и честь,
той, которая меж нами
испокон была и есть.

МОЛОДОЖЕНАМ

Что же вы опять не поделили?
Врозь сидите, ссоритесь, поди?
Крик грачей тому причиной? Или
виноваты частые дожди?
Ведь недавно свадебный подарок
я искал вам, выбившись из сил,
и под звон товарищеских чарок
задушевный тост произносил!

Под Москвой за каждым поворотом
пожелтевших листьев письма...
Но у вас-то, по моим подсчетам,
в полном блеске ранняя весна.
Где же ваша радость, не пойму я,
где цветы в квадратах ясных рам?
Где он, смех, и звуки поцелуев,
чтение вслух стихов по вечерам?
Где она, сиреневая зорька,
трепет сердца и сиянье глаз?
Неужели крик на свадьбе: «Горько!»
приобрел буквальный смысл для вас?
Дело ваше личное, конечно,
и не мне судить вас и рядить,
что внезапно так и быстротечно
стала рваться тесной дружбы нить.
Я и не завел бы разговора,
обошел бы вас за полверсты,—
просто жаль мне редкого подбора,
тополиной вашей красоты.

Евгений Винокуров

*

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

В кленовом шкафу
Строевого отдела
На полке стоит
Мое личное дело.

Его положили,
Чтоб долго не трогать,
В нем снимок мой
Маленький-маленький,
С ноготь.

Годами стоит,
Как солдат в отделение,
По папкам другим
Соблюдая равенье.

Есть номер на папке,
На сером картоне.
Открой — и вся жизнь моя,
Как на ладони.

Заслуги, награды
И, правда немного,
Взыскания вписаны
Четко и строго!

Беспечный, я праздную
Друга рождение —
Та папка стоит, не дыша,
Без движенья.

Влюбленный брожу ли
В ночи до рассвета —
Стоит она, чувствуя
Локоть соседа.

Стихи ли пишу —
Все у ней честь по чести:
Носки ее врозь,
Каблуки ее вместе.

Тебе быть со мной
До конца, до предела, —
Мое молчаливое
Личное дело!

Николай Грибачев

*

УХОДИТ ДЕНЬ...

Закат сгорел. Еще один уходит
Из жизни день, как друг, что мало жил.
Спроси себя: по воле и охоте
Чем ты сегодня людям послужил?

Умрешь и ты; когда ж венки завянут
И пыль покроет ленты и цветы,
За то ль одно тебя добром помянут,
Что был меж нас, что жил меж нас и ты?

Нет, прежде чем сказать, чего ты стоил,
Мы все сочтем, что ты по мере сил
Выращивал, задумывал и строил
И в нашу долю общую вносил.

Пусть будет труд твой хлебом, или зданьем,
Машиной, песней, или чем другим —
Мы ничего оспаривать не станем,
Твое подпишем именем твоим.

Но как ты будешь жалок и ничтожен,
Как будет вечер горек и тяжел,
Когда свой день ты для себя и прожил,
Хоть делал вид, что с нами рядом шел!

К ВЕСНЕ

Скорей, весна, скорей иди!.. Чем старше
Я становлюсь, чем жизни путь длинней,
Тем, от морозной сутемы уставший,
Сильнее жду твоих бодрящих дней,

Твоих ручьев, твоей со стрех капли,
Размокших троп, дымящихся дорог.
Все кажется мне, будто на метели
Я сердцем, что ли, чуточку продрог,

И сверстники из тех, что на примете,
Седеют, новой прихватив зимы...
Куда девать приобретения эти,
Кому дарить, кому давать взаймы?

Тем — не к поре, у тех — своих в достатке,
А молодым и не понять вполне,
В какие жизнь нас посылала схватки,
Какой вели мы сев по целине,

Как сэкономили на сне и ласке,
Как свет в глазах от напряженья мерк,
Когда в пыли и гусеничном лязге
Тащили к солнцу наш двадцатый век.

Все шире были дали и просторы,
Меж тем и возраст брал свои права...
Чем круче, тем задумчивее горы,
Чем выше, тем белее голова!

Иди ж, весна, к полям, рожать готовым,
Взрывай снега, на реках двигай лед!
Пусть, как земля перед посевом новым,
От зимней стужи сердце отойдет,

И хоть чуть-чуть смешна о том забота,
Но пусть почудится в хороший час,
Что и для нас поет у рощи кто-то,
Что под закатом кто-то ждет и нас.

ОЖИДАНИЕ

На взбухающих реках ломается лед;
На протоке ольха зацвела.
Где-то к вечеру голос баян подает
На прогретом пригорке села,

Словно птица, что птицу другую зовет —
Для того ей и песня дана,—
Потому что одна ни гнезда не совет,
Ни птенца не согреет одна.

И вздыхает девчонка семнадцати лет,
Поправляя платок на груди.
Ни любви, ни тоски — ничего еще нет,
Но весна приказала ей: «Жди!»

Положила на сердце огонь-уголек,
Засветила глаза синевой...
Приходи поскорей, если ты недалек,
Обними этот пламень живой,

Самым ласковым словом ее назови,
Обнадежь, как домой поведешь.
Может, чище уже и не встретишь любви
И ясней этих глаз не найдешь.

Только раз нам судьба этот выбор дает,
От повторного толку не жди.
Приходи. Слышишь — девичье сердце зовет?
Приходи... Поскорей приходи!

Валерий Деметьев

*

* * *

Лугов цветное разнотравье,
Рубахи белые косцов,
И вся земля как бы в оправе
Из рощ и солнечных лесов.

В разгаре северное лето.
Моторов рокот. Птичий гам.
Сенокосилки всех расцветок
Плывут по заливным лугам.

Когда сгорят на стеклах окон
Густые отблески зари,
От крутобоких новых копен
Уйдут в деревню косари.

Падут дожди... Морозы грянут.
Метели лягут у крыльца.
И вдруг июльской поляной
Пахнёт от свежего сенца.

А где-то на заставе дальней
В песках затеплится восход,
И ловкий молодой дневальный
В конюшню сено принесет.

Потянутся к кормушкам кони,
Уздечки звякнут в тишине.
И молодой дневальный вспомнит
Свою деревню на Шексне.

Лугов цветное разнотравье,
Широкий песенный простор.

Уходят на погранзаставе
Друзья в очередной дозор.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Если будете в Уломе,
Загляните на досуге
В небольшой с верандой домик,
Весь в черемуховой вьюге.

Там сирень, как клубы пара...
Тихим вечером весенним
Ни один влюбленный парень
Не обломит той сирени.

Если вы не здешний житель,
Вам расскажет первый встречный,
Что живет старик учитель
В этом домике над речкой.

Домик в золоте от солнца.
Капельки росы на листьях.
Стукнет почтальон в оконце
И протянет пачку писем.

Письма с Волги и с Алтая,
Треугольники без марок.
Позабудет чашку чая
На столе учитель старый.

Подойдет к знакомой карте,
Ус задумчиво приглядит.
Вспомнит низенькие парты,
Вспомнит тонкие тетради.

Видно, где-то на привале,
У брезентовой палатки,
Письма мальчишки писали
О делах и жизни кратко.

Шли тайгой и бездорожьем —
С ног валила их усталость, —
Полчаса всего, быть может,
Им на отдых оставалось.

Но, читая и волнуясь,
Он, в усы улыбку спрятав,
Все ж поправит запятую:
«Вновь торопятся ребята!»

СТАРЫЙ АДРЕС

«Не ходи по старым адресам», —
Верный друг учил меня сурово.
Эту заповедь я знаю сам,
Но сегодня нарушаю снова.
С вечера пошел такой снежок,
Будто звезды осыпались с неба.
И забытый путь меня повлек
В дом, где я уже лет десять не был.
Станция метро. Вокруг горят
Фонари. И мне в новинку это.
Деревца озябшие стоят
Там, где мы стояли до рассвета.
Пять звонков. Как прежде, пять звонков.
Та же коридорная система.
В кухне пламя синих язычков
И велосипед воздет на стену.
Радио чуть слышно за стеной.
Все, как прежде, — за угол и прямо.
Распахнулась дверь. Передо мной —
Строгая твоя седая мама.
Щурится на свет из темноты...
Строгости былой — как не бывало.
«Извини, что я тебя на «ты»,
Не назвался б сразу — не узнала.

Заходи, чего же ты стоишь?
Снегу-то нанес! Сними калоши.
Посмотри, какой у нас малыш,
Только что уснул он, мой хороший.
Озорной. У бабушки растет...
Только не кури — у нас не курят.
Дочки с мужем нету третий год,
Он военный, служит в Порт-Артуре.
Ну, какая у тебя жена?
Дети есть?
Куда же ты так скоро?»
...Улица в снежинках. Тишина.
Можно захлебнуться от простора.
Ты моей Снегурочкой была.
Снег летит. Он чист, как наша совесть.
Улица твоя белым-бела,
Словно ненаписанная повесть.

НОЧНАЯ ШКОЛА
В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ

Наши мысли сейчас далеко-далеко,
В душных джунглях за тропиком Рака,
Где огонь, где мерцанье солдатских штыков
И атака, атака, атака.

Я не знаю аннамского языка,
Лишь по книгам страну эту знаю,
Но она мне мучительно стала близка,
Развернувшая вольности знамя.

И я вижу сквозь тысячи, тысячи верст,
Как, прикрытые листьями пальмы,
Там крестьянки с оружием выходят на пост
Из селений, сожженных напалмом.

И я вижу, как в полночь, средь черной жары
Из убежищ, из рвов и укрытий
В свой бамбуковый домик спешат школяры,
Где встречает их юный учитель.

До рассвета его отпустил командир.
И ребята на грифельных досках
Пишут: «Мы не рабы»,
И еще: «Миру — мир» —
При свече из домашнего воска.

А когда кохинхинский споет петушок
Непременный сигнал о рассвете,
Вновь учитель стремительно взводит курок
И в укрытья расходятся дети.

И опять низвергают потоки огня
Самолеты над рисовым полем.
Долетает сквозь тысячи верст до меня
Грохот бомб, голос гнева и боли.

...Наша девочка осенью в школу пойдет
Тихим утром в переднике белом
И, не зная еще про далекий народ,
Так напишет, испачкавшись мелом:

«Миру — мир!»
И в линейку: «Мы не рабы!» —
И задумается невольно.
Пусть хоть малой частицею общей борьбы
Станет первый денек ее школьный.

Борис Дубровин

★

ЛАДОНИ

Ладонке сыновней просторно в моей
Широкой солдатской ладони:
Я в отпуск приехал,
Шагнул от дверей,
Ручонка в руке моей тонет.

Он будет — как я,
Или даже сильнее,
И ростом отца перегонит,
И станет просторно ладони моей
В широкой сыновней ладони.

Широкая кость, и во взгляде огонь, —
Похожи мы с ним друг на друга...
Но ляжет со временем сына ладонь
В ладонь повзрослевшего внука.

Гроза не разнимет,
Буран не согнет;
Ни время,
Ни тленье
Не тронет;
Ничто не ослабит и не разомкнет
Наш крепкий, солдатский, трудящийся род —
Широкие наши ладони.

Мы насыпали землю малой мерой —
Копнешь штыком и сыплешь котелком,
Мы звезды вырезали из фанеры
И прибавали их над бугорком.

Немного словно павших вспоминали,
Ведь все мы шли дорогою войны.
Но так друзья спокойно умирали,
Как будто снова будут рождены.

Земле друзей мы отдали немало,
Но не о смерти надо говорить:
Когда земля таких друзей забрала.
Каких взамен должна она родить!

100

МАТЬ МАЯКОВСКОГО

В мягком стареньком кресле
сидит она,
на гостей молодых,
ласково глядя
на веселье,
на споры и пыл.
Угощает вареньем:
«Айвовое...
Из Багдади...
Обязательно кушайте.
Он его очень любил...»
Для нее он всегда был худым и простуженным,
до варенья охотником и пастилы,
словом, просто Володей,
которому нужно
дать поесть,
чай согреть
и постель постелить.
Сразу было ей ясно,
когда тосковал он о ком-то,
но она не могла разобраться
во многом другом
и ту самую
страшную желтую кофту,

что и лицо,
 конечно,
 ты,
но и характер тоже.
И полюбил еще сильнее
тебя
 за чувств огромность,
за правду твердости твоей,
за подлинную скромность;
за всю натуру с добротой
и речью откровенной
и с незлопамятностью той,
что силы признак верный.
Раскрывшись в чьей-нибудь судьбе,
ты становилась ближе.
Когда пишу я о тебе,
невольно многих вижу.
Я вижу тех,
 с кем рядом креп,
с кем вместе
 горе мыкал,
ел
 прилипавший к пальцам хлеб
и грыз
 обломки жмыха.
Вагоны вижу,
 что на фронт
шли,
 черные от гари;
солдат,
 что в майках
 на перрон
напиться выбегали;
тех женщин,
 что месили грязь
в очередях предлинных

и, бабьей слабости стыдясь,
украдкой
 шли на рынок,
где перед гомоном людским
у старого точила
морская свинка
 судьбы им
в пакетиках тащила.
Я вижу взмахи колуна,
с каким братишке
 тяжко,
и предколхоза Бокуна
на грубых деревяшках,
и дни без отдыхов и снов
шоферши тети Клаши,
и восьмилетних пацанов,
скирды ночами клавших.
Я вижу тех,
 чья жизнь
 до дня
высокой цели отдана.
Я вижу тех,
 кто для меня
и есть
 все вместе —
 Родина.

Александр Жаров

*

ТУЛЬСКИЙ БАЯН

В Туле вечер настает, —
Вспыхнул свет на улице.
Парень входит в магазин,
Входит и любит.
Полки золотом горят
Ярче солнца вешнего...
Хочет он купить баян
Производства здешнего.

Что ж, ни пуха ни пера!
Дело благородное...
Всем известно: мастера
В Туле превосходные.

Нужно парню про любовь
Рассказать красавице.
Хочет он купить баян,
Да цена кусается.
Парень сам себе сказал:
«Хорошо, да дорого».
И на шахту поступил
Возле Тулы-города.

Что ж, ни пуха ни пера!
Дело благородное...
Всем известно: мастера
В Туле превосходные.

Скоро парня за дела
Все шахтеры славили,
И с покупкой дорогой
Мы его поздравили.
Звонкой песней стал баян
Нашу дружбу связывать
И на всю, на всю страну
Про любовь рассказывать...

Что ж, ни пуха ни пера!
Дело благородное...
Всем известно: мастера
В Туле превосходные.

*

ПРО ЕРМИЛЫЧА

Трудодни на славу удалися,
и Ермилыч,
выбравшись в Орел,
ненаглядной внучке
Василисе
взял да пианино приобрел.

«Есть возможность,— рассудил,—
тем боле
надо все в натуре преподать.
Благо ноты изучают в школе —
не напрасно ж
знаньям пропадать!..»

Только вот
уже прошла и осень,
а у внучки —
«вечера», «костры», —
как-то так случается,
что вовсе
руки не доходят до игры.

И Ермилыч
внучке-«молодчине»
заявляет, выбравши момент:
«Это что же,

по какой причине
пылью обрастает инструмент?
Нет сознания...
То-то и оно-то...»
И, вздохнув, он крышку приоткрыл
и без нот
ударил, как по нотам:
«Чи-жик, пы-жик,
где ты был?..»

И с тех пор,
как бы хмельной без хмелю,
развивая зачерствевший слух,
вечерами
вот уже с неделю
до двенадцати,
а то до двух

ноты бригадир перебирает
и, стараясь от души от всей,
в две руки
про чижику играет
да про двух бабусиных гусей.

«Чи-жик, пы-жик...»
И однажды ночью,
затаив дыхание в груди,
бабушка Акси́нья, между прочим,
жаловалась мне:
«Ну, посуди!

Это что ж такие за порядки?
Уж с ума не спятил ли старик?
Да ему ли
на восьмом десятке
«Чижику»
долдонить до зари?..

Да ему ли
гоготать с нечистым,
в песнях
передразнивать гусят?..
Может, получился б пианистом
так назад
годочков шестьдесят...»

Может, получился бы когда-то...
Только в тот,
в давно прошедший, век
никаких подобных «агрегатов»
и в глаза не видел человек.
Что ж поделать?
За озерной синью
долгие батрачил он года.

Да и наша бабушка Акси́ня
(Ксюша,
как звалась она тогда)
на вечерней
памятной лужайке,
ненароком выбрав жениха,
за его игру на балалайке
полюбила Яшку-пастуха.

Только вот такое вышло дело:
после свадьбы
был пожар в тот год —
балалайка Яшкина сгорела...
А потом ударил недород...

А потом война
взяла в солдаты
из деревни
всех парней гуртом.

А потом
пошли в семье ребята.
А потом...
Да мало ль что потом!..

Для игры
в родной своей сторонке
времени мужик не находил;
только разве, выпив,
на гребенке
иногда он душу отводил.

Только разве пьяному
и пелось;
он играл, бунтуя и скорбя.
А душе
так вырваться хотелось,
так хотелось высказать себя!

Так хотелось ей, не уступая
никому,
все в звуках рассказать,
что слеза мужицкая, скупая,
с глаз срывалась...
Глупая слеза!..

Я гляжу на дедушку украдкой.
«Что ж поделать,— думаю,—
когда
лишь теперь вот,
на восьмом десятке,
яркая зажглась его звезда!

Вот Ермилыч и стучит,
как дятел,
вот и отдыхает между дел.

Ничего он, бабушка,
не спятил —
просто высказаться захотел».

Вы послушайте души томленье:
сколько упования, и борьбы,
и тоски,
и грусти,
и терпенья
в этом:

«Чи-жик, пы-жик,
где ты был?..»

Вера Инбер

*

ОВЕЯННАЯ СЛАВОЙ

Что снится кораблям на вечной их стоянке,
Когда им плаванья уже не суждены?
Они опять плывут. Опять морские склянки
Сливаются с ударами волны.

Что в памяти встает? Бескрайние просторы.
Экватор. Океан. Дыхание его.
Широты юга. Но таких, как у «Авроры»,
Воспоминаний нет ни у кого.

Идут, идут года. Но можно ли забыть их,
Когда творил тех лет историю ты сам.
И у «Авроры» в прошлом хроника событий
Записана по дням и по часам.

Шестое ноября. Срок близок. В Смольный скоро
Прибудет Ленин. Ждут сигнала. Флот готов.
Работает радиостанция «Авроры»:
Ее создатель Александр Попов.

У Николаевского моста бросив якорь,
«Аврора» в семь утра, когда клубилась мгла,
Орудия свои на Зимний навела,
На сумрачный дворец, одетый мраком.

А в девять вечера седьмого ноября
Громовый грянул залп шестидюймовой силы.
Штурм начался. О том весь мир оповестила
«Аврора», на бессмертье курс беря.

На целый шар земной раскаты прогремели.
Как флагманский корабль, Советская страна
Уверенно идет к своей великой цели,
Ученьем Ленина оснащена.

Искрится океан. Друг другу шлет на смену
Величественных волн лазурные гряды.
И все они цветут черемуховой пеной,
Напоминая русские сады.

«Аврора» же стоит спокойно, величаво
На Балтике своей, то синей, то седой,
Любимая страной, овеянная славой,
Лелеемая невскою водой.

И каждое из вновь идущих поколений
При взгляде на нее воскликнет: вот — смотри —
Живая летопись, в которой имя Л е н и н
Слилось навечно с пламенем зари.

О К Е А Н

Ильич — в Разливе; отлегла тревога.
И Сталин на короткий на часок
Себе позволил отдохнуть немного;
Вокзальную он площадь пересек,

Литейный мост прошел, с вокзалом смежный,
И, под покровом летней синевы,
Увидел набережную Невы
И ряд ее дворцов левобережных.

Уже на их фронтоны пала тень.
Уже он был историей приближен,
Неотвратимый тот октябрьский день,
Когда начнется наступление хижин,

Подвалов, где из каждого угла
Глядит чахотка с нищетою вместе.
(По детской смертности на первом месте
Тогда Россия царская была.)

Дельцы еще нагуливали жир,
Но в воздухе июля раскаленном
Уже все выше реяли знамена,
Чей лозунг был: «Свобода, хлеб и мир!»

Шел Сталин мимо Зимнего дворца.
Чугунного литья чернел орнамент.
Казалось, не предвидится конца
Решетке этой с царскими орлами.

Она как бы сюда пустила корни,
Срослась как бы с Девятым января,
Когда народ пришел просить царя
И вместо хлеба был свинцом накормлен...

Все глубже вечер. Становясь прохладней,
Он уходит, однако, не спешил.
И встал на бледном небе Медный Всадник,
Сих мест Санкт-Петербургский старожил.

Могучий конь, взлетев на пьедестал,
Застыл на месте в бешеном галопе;
Ездок уже столетия скакал
Лицом на Запад, взорами к Европе.

Глядел на Запад царственный ездок,
Жалея, что лишен трубы подзорной;
А за его спиной лежал Восток,
Где вспыхивали огненные зерна,

Где в произволе утопал сатрап,
Где на краю России, в Туркестане,
Безгласен был колониальный раб
И гнев копил для будущих восстаний.

А дальше, дальше, в рубище, в пыли,
Ломала руки в плачах похоронных
Страна, чьи слезы крупные текли
Алмазами в британскую корону.

А там — Китай, kloкочущую грудь
Дыханием вздымающий все чаще,
Как великан, уже готовый в путь,
Еще не вставший, но уже не спящий...

Прошел патруль. Промчался верховой.
Плеснули весла неурочной шлюпки.
С цыгаркой пробежал мастеровой,
И Сталин дал ему огня из трубки.

И вот в ночной остался тишине
Он с Медным Всадником наедине.

С Петром остался, думая о нем:
То был скачок, важнейший для России,
Но гибли те голодные, босые,
Которых царь давил своим конем.

И здесь сейчас мелькнувший огоньком
В рабочем пиджачишке пролетарий,—
Тех крепостных, быть может, правнук он,
С которых при Петре три шкуры драли.

Но правнук все растет. Настанет срок —
И волны пролетарских революций
В одну великую волну сольются,
Соединяя Запад и Восток!

Разлив идет во весь простор земли.
И сила у него уже такая,
Что перед ней трепещут короли,
Свои короны старые роняя.

Пускай герой воспет и вознесен,
Увенчан славою ширококрылой,—
С вождем народа не сравнится он,
Кого в Разливе Партия укрыла.

И пусть какой-нибудь из дальних стран
Запомнит незадачливый историк,
Что Петр Великий — это капля в море,
А Ленин — это целый океан...

...Кончалась ночь. Полнеба пламенело.
Нева светлела. Гасли фонари.
«Аврору» охватил пожар зари.
И молвил Сталин: «Что ж! Пора за дело!»

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСКЕ

1

Дом невелик: почти простая хата.
Давно погасла в горнице свеча.
Клен у крыльца разросся в два обхвата,
Засохла под окошком алыча.

Исчез, умчался в горы постоялец
И до сих пор коня не расседлал;
Следы его в долинах потерялись,
Ушли в лазурь, за дальний перевал.

Его теперь и смерть не может встретить,
И, не вникая в давнюю беду,
Играют на песке горячем дети
У памятника в городском саду.

Но, глядя на венок из бронзы тяжелой,
На лиру, победившую века,
Все чудилась мне белая фуражка,
Забытая на склоне Машука.

Над ней трава, как прежде, зеленела,
Сновали полосатые шмели,
Когда дождем исхлестанное тело
Солдаты на телеге увезли.

Прилежно говорят экскурсоводы
О зависти, о ссоре роковой,
О творческом пути певца свободы,
Оборванном злодейскою рукой.

О том, что был он резок и запальчив,
Незащищен, доступен для обид;
Что здесь убит, по сути дела, мальчик,
Седой историограф говорит.

Наверно, и сейчас те речи длятся,
Умны, честны, и, в том сомнений нет,
Их слушая, нельзя не соглашаться,
Что Лермонтов, конечно, был поэт.

Но он тому стихами отвечает,
Кто в день грядущий пристально глядит
И без подсказок сердцем понимает,
О чем звезда с звездой говорит.

О КИТАЕ

На стене висит Китая карта;
Если половина миллиарда
Вырастит по зернышку, не боле, —
Это будет рисовое поле....

Если с каждого собрать по нитке,
Не по нитке,
а по волоконцу,—
Холст огромный можно будет выткать,
Протяженьем, может быть, до солнца...

Если каждый скажет
дружбы слово,

Лед растает
и в тайге суровой.
Если каждый скажет слово гнева,
Сотрясутся и земля и небо.

Пусть же это помнят, кто мечтает
Карту перекраивать Китая!

ГРАНИЦА

У границы
Парень землю пашет.
За границей —
Братская страна.
Слышно — там
На тракторе на нашем
Тоже парень пашет
Допоздна.

И лежит кругом
Земля родная.
И бывает —
Зорька догорит —
Тихо подойдут они
К Дунаю
Поглядеть на воду,
Покурить.

Вместе сядут —
Наш сидит на нашем,
А другой —
На правом берегу.
Так они не только землю пахут,
Но еще ее
И берегут.

Словно бы
Сердечную беседу
Здесь ведут два друга
У реки —
Два рабочих парня,
Два соседа;
Над рекою
Светят огоньки.

И идут дымки
От папирос их —
Как не закурить
От комаров?..
И о чем-то милым
Шепчут лозы
Близким людям
С разных берегов.

Михаил Бурганцев

ЮНОСТЬ

В последний раз встречаемся тепло мы,
Нам вручены заветные дипломы.
Еще в разгаре захмелевший вечер,
Здесь все перемешалось: тосты, речи
И пары в танцевальной карусели.
И мы с тобою,
Мы в углу присели.
На миг присели, обменялись взглядом,
К нам юность подошла и стала рядом.
«Я ухожу, — она сказала тихо, —
Я ухожу, не поминайте лихом».
Но мы не попросили почему-то:
«Останься на короткую минуту.
Присядь и с нами погрусти немного,
А после, что ж, иди своей дорогой».
«Нет, — мы сказали твердо и без грусти. —
Ты не уйдешь. Тебя мы не отпустим!
Мы за руки возьмем тебя, научим
Шагать по тропам, по отвесным кручам.
О неизвестных далях мы мечтали.
С тобою мы откроем эти дали.
Мы будем так творить любое дело,
Чтоб ты уйти от нас не захотела.
Ты будешь крепнуть с каждою весною,
Ты не исчезнешь с первой сединою.

Мы только назовем тебя иначе,
А это вовсе ничего не значит...»
И юность посмотрела взглядом странным,
Не соглашаясь будто со словами,
Но подошла, и руки подала нам,
И не сумела распрощаться с нами.

Григорий Куренев

*

НОВОСЕЛ

Где ж тут быть директору веселым!
Заполночь ввалился в кабинет,
вдруг —

звонок:

«Встречайте новоселов...»

А завхоз — в степи,

квартиры — нет.

Едут с бабкой,

дочкой или сыном

агрономы —

и отец и мать.

Надо гнать на станцию машину,
срочно новоселов принимать.

Растолкал вздремнувшего шофера:
«С ветром!..

До разъезда и назад.

Привезешь сюда их.

Пусть контора

превратится на ночь

в детский сад...»

Спозаранок,

как всегда,

в контору

день работ

уверенно вошел,

в кабинет директорский,
 в котором
 спит
 прибывший ночью
 новосел.
 Примус на окне заводит песню
 (раздобыть успели молока).
 Спит мальчишка,
 ползунок,
 ровесник
 мартовскому Пленуму ЦК.
 Что ему на новом месте снится?
 Вряд ли видится ему во сне,
 как за окнами звенит пшеница,
 ходит волнами по целине.
 Пахнувшие хлебным половодьем,
 собираясь утром
 на наряд,
 в кабинет
 почти бесшумно входят
 бригадиры тракторных бригад.
 И, хотя сложнейшие вопросы
 накануне жатвы их томят,
 заготовленные папиросы,
 как ни странно,
 нынче не дымят.
 На ходу приобретаая опыт,
 словно разговор —
 сплошная тайна,
 переходят
 с голоса
 на шепот,
 требуя
 запчастей
 для комбайнов.

Что же вдруг случилось?
Кто ответит?
Что за перелом
 произошел?
Просто
 на диване в кабинете
спит
 прибывший ночью
 новосел.
У него
 спокойное дыхание,
сон мальчишеский глубок и чист.
Он еще не слесарь,
 не механик
и не знаменитый тракторист.
Но уже
 и на пороге в детство
так активно он
 на мир
 воздействует!

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ

Завтра
оставляет МТС
бывший
член КПСС.
Может ехать
к детям и жене
бывший главный инженер.
Это
будет завтра,
а сейчас
он сидит
пока что среди нас.

Он сидит
 в партийном окружении,
 ждет от нас
 судьбы своей решения.
 Но не будет
 никому
 амнистий:
 суд — партийный,
 судьи — коммунисты.
 Вот они —
 внимательные судьи —
 подбираются
 до самой сути.
 Ищут оправдания очень долго,
 но уже ясна картина эта.
 «Ты поехал
 не из чувства долга,
 а чтоб не лишиться
 партбилета».
 «Ты не только не был командиром,
 большинство из нас
 в лицо не знал».
 Суд идет,
 и судит
 дезертира
 полевой
 партийный
 трибунал.
 Ничего не решено заранее,
 протокольная чиста тетрадка.
 Выступающие на собрании
 в предложениях
 до предела кратки.
 «Исключить...
 Не оправдал доверия...»

«Исключить...
 Ясна его вина...»
 За неплотно затворенной дверью
 дизелям
 сдается целина.
 За неплотно затворенной дверью
 бой.
 И многословие излишне.
 «Исключить...
 Не оправдал доверия...»
 «Не боец он...
 Не единомышленник...»
 Ты не верил,
 как они,
 в победу,
 думал:
 срок отбуду
 и уеду.
 Ты не видел,
 как сражались рядом,
 пяди
 целине не уступив,
 комсомольцы тракторных отрядов,
 ставшие
 партийцами
 в степи.
 Ты
 отсиживался на усадьбе,
 посевную
 просидел в тиши...

 Мне сказали:
 лучше не писать бы,
 видел
 много,—
 о другом пиши.

И решение,
 что выносили,
 может стать, не оставят в силе.
 Но мой долг
 поэта и партийца —
 этой осторожности
 противиться.
 Я
 не мог
 не написать об этом,
 твердо веря:
 н а д о
 про такое.
 Пусть послужит
 мнение
 поэта
 дополнением
 к протоколу.

Юрий Левитанский

ОСЕНЬ

Листва неслышно опадает оземь,
 и вот бредешь по пламени костра.
 С ума сойти — насколько эта осень
 заманчива, задумчива, пестра!

И облачко влечет меня, как парус,
 и перелески трогают до слез.
 О том, что тоже, видимо, состарюсь,
 впервые в жизни думаю всерьез.

Чтоб от подобных мыслей отдалиться,
 мне надо бы случайно забрести
 туда, где можно грустью поделиться
 и незаметно душу отвести.

И вот меня встречает на пороге
 и хлопает ладонью по плечам
 один из, к сожалению, немногих
 живых еще моих однополчан.

«Входи, входи!..»

И за его спиною —
 уже обжитых комнат тишина
 и, связанная с этой тишиною,
 в халатике фланелевом жена.

«Входи, входи!..»

Уже вино в бокале,
и над брусникой вмиг вознесено
заехавшее в наше Прибайкалье
горячее молдавское вино.

Оно сейчас пойдет гулять по жилам,
и, если зазеваться у руля,
я стану безыменным пассажиром
плывущего по ветру корабля.

Плывущего далече, где в тумане,
до дней моих последних дорогá,
священная страна воспоминаний
крутые открывает берега.

И вот уже:

«Ты помнишь, у Дуная...»

«А помнишь, за Хинганом наш майор...»

Жена молчит, сердиться начиная:
давно ей надоевший разговор.

Она не заявляет это прямо,
но взглядом обращается ко мне,
как тот завзятый критик, что упрямо
твердит одно: «Довольно о войне!»

Но мы плывем... Ведь что ни говорите,
но та страна из крови и огня —
для нас не отречение, не укрытие,
не бегство от сегодняшнего дня.

Ведь, перед тем как стать воспоминаньем
и тою сокровенною страной,
она была нам первым испытаньем
и поднятой впервые целиной.

Вот почему, с одним покончив делом
и перед тем как новое начать,
к ее святым, незыблемым пределам
мы сердцем обращаемся опять.

Берем ее в дорогу как поруку
всему, что нам свершить еще дано...
Жена молчит, меня ревнуя к другу.
Садится солнце. Выпито вино.

И мы выходим в шелест листопада,
где осень разожгла свои костры.
Свежит лицо колючая прохлада,
байкальское дыханье Ангары.

И снова продолжается дорога.
Опять влечет, зовет меня она
туда, где ждет друзей моих до срока
не поднятая ими целина.

И все так не разгадано и ново,
и осень, ослепительно пестра,—
не время увядания земного,
а наступившей зрелости пора.

ТРИ ДЕСЯТЫХ

Из стихов для детей

Это кто
Из портфеля
Швыряет в досаде
Ненавистный задачник,
Пенал и тетради
И сует свой дневник,
Не краснея при этом,
Под дубовый буфет,
Чтоб лежал под буфетом?

Познакомьтесь, пожалуйста:
Костя Жигалин.
Жертва вечных придилок,
Он снова провален.
И шипит,
На растрепанный
Глядя задачник:
«Просто мне не везет,
Просто я неудачник!»

В чем причина
Обиды его и досады?
Что ответ не сошелся
Лишь на три десятых!

Это сущий пустяк,
И к нему, безусловно.
Придирается
Строгая
Марья Петровна.

Три десятых!
Скажи про такую ошибку,
И, пожалуй, на лицах
Увидишь улыбку.
Три десятых!
А впрочем,
Об этой ошибке
Я прошу вас
Послушать меня
Без улыбки...

Если б, строя ваш дом,
Тот, в котором живете,
Архитектор
Немного
Ошибся
В расчете,
Что б случилось?
Ты знаешь ли, Костя Жигалин?
Этот дом
Превратился бы
В груды развалин!

Ты вступаешь на мост.
Он надежен и прочен.
А не будь инженер
В чертежах своих точен,
Ты бы, Костя,
Свалившись в холодную реку,
Не сказал бы спасибо
Тому человеку!

Три десятых! —
И стены возводятся косо.
Три десятых! —
И рухнут вагоны с откоса.
Ошибись
Только на три десятых
Аптека,
Станет ядом лекарство,
Убьет человека!

Мы громили и гнали
Фашистскую банду.
Твой отец
Подавал
Батарее команду.
Ошибись он при этом
Хоть на три десятых,
Не настигли б снаряды
Фашистов проклятых!

Ты подумай об этом,
Мой друг, хладнокровно
И скажи,
Не права ль была
Марья Петровна?
Если честно
Подумаешь, Костя, об этом,
То недолго лежать
Дневнику под буфетом!

Борис Лихарев

*

ПОДАРОК БОЙЦА

1

Комната Ленина в Смольном
Помнит былые года.
Молча, с волнением невольным
Каждый вступает сюда.

Сердцем становится чище,
Здесь побывав, человек.
Это простое жилище
Ты не забудешь вовек.

Стулья в чехлах полотняных,
Коврик потертый для ног,
И за окошком туманный,
Наш, ленинградский денек...

Комнату эту не тесной
Ленин для жизни считал.
Рядом с кроватью железной
Кресло, в котором читал.

Все в этой комнате скромной
Нам о родном говорит...
В рамке ореховой темной
Зеркальце Крупской висит.

«Надежда Константиновна,
 простите,—
Сказал солдат,— прощанья краток час.
От всех бойцов подарок наш примите,
Мы знаем: нету зеркальца у вас.

Идем на фронт, и с Лениным проститься
Хотели бы товарищи мои...»
Всего один подарок здесь хранится.
Но сколько в нем твоей, народ, любви!

Владимир Луговской

✻

СВАДЬБЫ

Снег, мороз, веселый ветер,
в сизой дымке тополя,
Галки стынут на деревьях,
чуть носами шевеля.
Только кони мчат под горку,
так что падает душа.
Ах, январская погодка,
до чего ж ты хороша!
Кони злые, вороные,
восемь бьющих в лёт копыт,
А за ними вслед седые,
пена на боках кипит.
Сани, сани, сани, сани
в пестрых лентах и цветах.
Кто безусый, кто с усами,
смех на девичьих устах.
И бумажными цветами
все повито, как весной.
За долами, за лесами
шар ложится ледяной.
Это свадьба пролетает
в тихих ровенских
местах,

От поселка до поселка,
от моста и до моста,
Так от загса до колхоза
с песней радостной взлетит
Молодая молодому
потихоньку руку жмет.
А за ними, тихо глядя
на червонный край небес,
Скромно едет на «побед»
сам директор МТС.
Тихо спать ложится солнце,
лиловеет дальний лес,
И сначала нужно свадьбе
докатить до МТС.
Вот она — горит огнями
в снеговой вечерней мгле.
Муж — механик,
молодая — звеньевая на селе.
Славной жизни вам и счастья,
пролетевшие друзья!
Я задумался глубоко,
растревожен сердцем я.
Где вы, годы молодые,
замирающий простор,
Исполненье всех желаний,
смелый юношеский взор?!
Все я в жизни понимаю,
но поймать уж не могу
Маленькую птицу счастья
на заветном берегу...
Легким инеем осыпан,
на дороге я стою.
И опять несутся сани,
снова девушки поют.
Сани, сани, сани, сани
в пестрых лентах и цветах.

Это свадьба пролетает —
 пышен свадебный размах!
 Как чудесны при долине
 на цветном платке зари
 Эти песни Украины,
 светлых дней поводыри.
 А на взгорке светят хаты
 сотнями волшебных глаз,
 Снежно-белые, как детство,
 в этот милый, звонкий час.
 И опять мне слышны песни,
 музыка,
 веселый гам.
 Это мчится третья свадьба
 за другими по следам.
 На полуторках колхозных,
 гордо стоя в полный рост,
 Молодежь встречает грудью
 крепкий ветер и мороз.
 Свадьбы, свадьбы,
 время свадеб,
 боевой для загса день,
 Вечерок под воскресенье,
 снег пахучий, как сирень.
 А столы в домах накрыты,
 стопки полны до краев,
 Все заботы позабыты —
 поднимай и будь здоров!
 Вот сливянка, вот вишневка
 черно-алая, как кровь.
 Что ж, за труд, ну что ж, за радость
 и за верную любовь!
 Счастье, счастье!
 Птица счастья
 прижимается ко мне.

Ты живешь вот в этом доме,
 ты поешь вот в том окне.
 Золотая Украина!
 Свадьбы, свадьбы, лунный час.
 — Будьте ласковы, товарищ,
 приглашаем в гости вас!

ИВАН ФЕДОРОВ

Тянет кляча унылая
 дряхлый,
 скрипучий возок;
 Дождь осенний
 сечет и сечет,
 забирает за ворот.
 На старых станках
 и шрифтах
 малый сидит сынок.
 Дьяк Иван Федоров
 тихо
 въезжает в город.
 Он клячу ведет,
 тощ и суров,
 В город великий
 Львов.
 А позади
 неудач и скитаний
 года,
 Царя Иоанна
 железная поступь
 И вдохновенное
 чадо труда —
 Первопечатный
 русский «Апостол».

Первый печатный станок
на Руси.
— Огонь этот,
 господи,
 не угаси!
А погаси
 тот свирепый огонь,
Которым
 станки мои
 изуверы жгли.
Шагай,
 шагай, мой старый конь,
В новый град
 новой земли!
Так из Москвы,
 через Вильно,
 в далекий Львов
Тащится дьяк, не щадя сапогов.
И здесь,
 притулив свой станок
 в хормине темной,
Опять начинает
 дьяк непреклонный
 мудрить.
Неужто не тяжело ему
 и не томно
Винты вертеть
 и буквицы лить;
В сизом дыму свинцовом
 плавать,
Чтобы Родины речь
 не сгубил
 католик-папист;
От радости гордой
 скупо заплакать,

Подняв напечатанный
первый лист.
Первый лист,
напечатанный
на Украине,
От русских лесов
и Москвы вдалеке,
Не на шляхетской
темной латыни,
А на своем
родном языке.
Из Львова к Острогу,
из Львова в Самбор
Он возит
тяжелый
свинцовый набор.
Книгам московским
единокровник
Выходит «Апостол»,
выходит «Часовник».
И люди простые ему помогали,
И грош свой последний
несли ему
те,
Кто в горе, в бедности
изнемогали.
И умер он в горе
и нищете.
Родился в Москве.
Умер во Львове,
Не попрощавшись
с родною Москвой.
Но Львов и Москва —
единой крови,
Связаны вместе
единой судьбой.

Вот я стою
 у твоей могилы,
Науки печатной
 первый плугарь.
Дьяк наш суровый,
 учитель милый,
Первопечатник, перший друкарь.
Стою во Львове
 и вижу в Москве я
Тебя,
 который так знаменит.
Это дыханьем бессмертия
 вееет
Памятник — бронза
 и черный гранит.
Шел ты во Львов
 из Москвы
 через Вильно.
Но разве
 разлука с Москвою
 легка?
Остановился,
 огромный и сильный;
К наборной доске
 протянулась рука.
Знаю, ты в этой могиле тесной,
В этом истлевшем дотла
 гробу.
Но,
 врезан в сияющий свод небесный,
Стоишь ты в Москве
 с ремешком на лбу.
Стоишь ты,
 дьяк,
 у стены старинной.

Лоб величав,
 бронзово-чист.
Ты для России,
 для Украины
Держишь
 первый
 печатный лист.

Михаил Луконин

Ты

Я представлял любовь такой,
Во мне заключена,
До немоты моя,
В слезах
и провожаешь
и встречаешь.

Но нет того, чтоб слепота была,
Открытыми глазами все увидишь.
Откуда смелость возражать взяла!
Возьмешь
и самолюбие обидишь.

Считал я:
для тебя я —
полный свет.

Что ни скажу —
все так,
а не иначе.

Ты любишь —
 значит,
 выше, лучше нет
Того, что я могу,
 того, что значу.

90

А ты мне иногда:
«Не то, мой друг,

Тут сдал,
а надо выше,
проще,
дальше...»

Ты можешь
при других
отметить вдруг

Неверный шаг,
 смахнуть пылинку фальши.
Обида в сердце стукнет иногда:
«Мне собственного критика не нужно».
Ты засмеешься,
 глянешь, как всегда,
И вновь моя обида безоружна.

Казалось: кроме помыслов моих,
Нет у тебя других забот достойных,
Я сам решу,
 сам справлюсь за двоих,
Все сделаю один
 за нас обоих...

А ты,
 смотрю,
 свой столик завела,
Линейкой на бумагу надавила.
Встаешь чуть свет,
 есть у тебя дела,
И некогда тебе.
 Вот это мило!..

Мне думалось:
ты за моей спиной
Пойдешь теперь безмолвницей бескрылой,

91

Через ручьи перенесу весной
И к солнцу донесу,
 играя силой

Опять не так.
 Смотрю —
 к руке рука,
Плечо к плечу.
 Своим лукавым взглядом
Сигналишь мне:
 «Дорога широка!..»
И все идешь,
 идешь
 со мною рядом.

Вот ты какая!
 Ты поймешь меня.
Скажу, что ты и жизнь
 предельно схожи.
И ты и жизнь сама
 день ото дня
Мне все необходимей, все дороже.
Любви для всех,
 подозреваю я,
Готовой нет,
 ее слагают сами.
Вот ты какая, умница моя,
Ты все смеешься серыми глазами.

ЗНАКОМОЙ КРАСАВИЦЕ

Вы скажете:
 «Как скучно!»
Мне не верится,
лишь я взгляну на мир окрестный.

Два ваших слова
 мне пугают сердце:
«Не нравится»,
«Неинтересно».
Вам некуда идти,
читать вам нечего,
рассеянно следите вы за лицами,
живете осторожно, недоверчиво,
процеживая мир
 ресницами.
Сама земля,
 от края и до края,
зовет к себе, трубит на повороте.
Вы, медленная, землю попирая,
возвышенно —
 на каблуках —
 идете.
Вас показать друзьям моим, красавица,—
я думаю,
 их оскорбит, наверно,
и то, что вам земля не нравится,
и то, что шуритесь высокомерно.
А вы
 все недовольней,
 все капризней.
Вы неба не видали!
 Оглянитесь!
Вы даже не дотронулись до жизни,
как будто бы испачкаться боитесь.
Красивая.
А вот когда случится,
что ваше сердце сонное забудется,
вы замаяхнете жесткими ресницами,—
он
 в западню
 не попадется!

Но если вы полюбите всей силою —
засмейтесь
и откройтесь жизни, свету.
За то, что носит вас, красивую,
благодарите
землю эту!

Михаил Львов

*

ГОЛОС

Мой голос записан на пленку
И сложен в сверкающий круг.
Его отложили в сторонку,
И нас усадили вокруг.
Его от меня отделили,
Как будто кору от стволов,
На стержень стальной накрутили,
Раскручивать начали вновь.
Свой голос на магнитофоне,
Свидетелей многих в кругу
Я слушаю, как посторонний,
И — странно — узнать не могу.
А мне он казался приятней,
А мне он казался другим —
Красивее, лучше, понятней,
Не столь уж глухим и плохим.
Но, видимо, было неверно
Мое представление о нем,
Я тут ошибался, наверно,
Как часто во многом другом.

А люди сказали — похоже,
Что голос, мол, именно мой...
Бывает, сказали, ну что же,
Такое не только с тобой,

Что «внутренним ухом» мы слышим
Себя, то есть вовсе не как
Любого другого мы слышим...
Поверим и — так и запишем.
И — с тем примиримся. Пусть так.
Но что, если голос свой строчечный,
Которым сильнее дорожу,
Я слышу вот так же неточно,
Не так, как до вас довожу?

Марк Максимов

*

СКАЗКА

Маринке

1

В некоем государстве в пять морей,
в некотором царстве без царей
сказочная девочка жила;
мать ее в теплушке родила.

Да, в теплушке, горестной порой —
в ночь под новый год, сорок второй.

Ты мети-мети, метелица, мети,
рваный дым по полю стелется в пути!
Ты мети-свисти, метелица, свинцом,
чтоб скорее дочке встретиться с отцом!
Ты мети-гони, метелица, снега,
чтоб и следа не осталось от врага!

Рвались бомбы с четырех сторон,
и пурга мела, мела, мела.
Уходил к востоку эшелон,
девочка кричала и — жила.

Ну да ладно! Эта боль в груди —
присказка, а сказка — впереди.

Я бинокль достану полевой;
с незажившей ранкой пулевой
у окна всю ночь просижу,
сны подростшей дочки подгляжу.

Бровки черные у ней дугой;
Спи, глазок, спи, другой...

Спит она в палатке, вдалеке;
на подушке теплая щека,
спать под ней уложена рука,
распустились косы по руке.
Красный галстук с огневым значком
прикорнул на тумбочке бочком.

А на море штиль и тишина,
чуть звенит волна у валуна,
или это, уходя в зенит,
лунная дорожка чуть звенит,
и по ней на цыпочках с луны
через море к детям ходят сны.

Вот и сказка: ходит царь Додон;
Золушка царевной входит в дом;
важно ходит птица-пеликан;
катит колесницу великан...

Мягкими шагами взад-вперед
на цепи все ходит мудрый кот...

И чтоб снился девочке покой,
ходит крейсер по волне морской!
Охраняют девочки Артек
двести миллионов человек,

из руин восставший Сталинград,
и ракетных летчиков парад,
и стеной стоящие хлеба,
и стволов учебная пальба,
и зарницы сварок по стране...

Девочка! Ведь это не во сне,
ты была в теплушке рождена —
так проснись, глазок, и погляди,
какова теперь твоя страна.

Это ли не сказка? Нет, поди,
присказка. А сказка — впереди.

Древний белокаменный дворец.
День рожденья дочки. Новый год.
Вот она и сказка, наконец,
в эту сказку девочка идет.

Сквером вдоль канавки, по застывшей травке
идет она, маленька, на ней шубка аленька,
опушка бобровая, сама чернобровая.
Вот ворота Спасские
распахнулись сказкою.

Терема боярские.
Елке — полный век.
И подходит к девочке взрослый человек.
У него усталый, неволшебный вид,
а речь такую сказочную
он ей говорит:

«Трон алмазный, девочка,
жемчуг, кружевьё,

колечки витые, крючки золотые
да по стенам горницы золотые горлицы —
это все твое!

Шапка та, что нашивал Владимир Мономах,
голуби, живущие здесь, в колоколах,
да страна огромная
с пашнями и домами —
это все твое!»

Девочка воспитанна. Говорит ему:
«Большое спасибо. Подрасту — приму», —

и бежит на елку...

В царском тронном зале
сказочную песню
принцы запевали:
«Взвейтесь кострами, синие ночи,
мы пионеры, дети рабочих...»

...Дальше что? Выходит, как из сказки,
Золушка в ботинках «скороход»,
и позёмка из ворот из Спасских
шлейф, как за царевною, несёт.

А пред ней Москва в алмазах света,
а пред ней — пути, пути, пути...
И всего важней, что даже это —
присказка. А сказка — впереди!

Самуил Маршак

*

ГДЕ ТУТ ПЕТЯ, ГДЕ СЕРЕЖА?

Друг на друга так похожи
Комаровы братья,
Где тут Петя, где Сережа, —
Не могу сказать я.

Только бабушка и мать
Их умеют различать.

Не могу я вам сказать,
Кто из них моложе.
Пете скоро будет пять,
И Сереже
Тоже.

Петя бросил снежный ком
И попал в окошко.
Говорят: в стекло снежком
Угодил Сережка.

Кто вчера разбил мячом
Чашку на буфете?
Петя был тут ни при чем,
А попало Пете.

Доктор смешивает их,—
Так они похожи!
Пьет касторку за двоих
Иногда Сережа.

В праздник папа всю семью
Угощал мороженым.
Петя долю съел свою,
А потом — Сережину.

Поступили в детский сад
Петя и Сережа.
Пете новенький халат
Выдали в прихожей.

А Сереже говорят:
— Жадничаешь больно.
Получил один халат,
И с тебя довольно!

Няня Петю без конца
Мягкой губкой мыла,
Чтобы смыть с его лица,
Синие чернила.

Смыла губкой полосу
На щеке и на носу.

Только кончила купать,
Весь в чернилах он опять!

Няня мальчика бранит:
— Петя! Это что же?!
А Сережа говорит:
— Няня, я Сережа!

К парикмахеру идут
Петя и Сережа.
Петю за руку ведут,
И Сережу тоже.

Парикмахер через миг
Петю наголо остриг.
Голова его теперь
На арбуз похожа.
Только вышел он за дверь,
В дверь вошел Сережа...

Парикмахер говорит:
— Ты ж недавно был обрит!

Я еще твоих волос
Не стряхнул с халата,
А уж ты опять оброс.
Вон какой лохматый!

Видно, волосы растут
У тебя за пять минут!

Парикмахерских для вас
Хватит ли на свете,
Если в час по десять раз
Стричься будут дети?

Вот однажды к ним на двор
Перелез через забор
Озорной мальчишка —
Перепелкин Гришка.

Гришка — парень лет восьми,—
Этакий верзила! —
А пред младшими детьми
Хвастается силой.

Говорит он: — Эй, мальки!
Побежим вперегонки!

Объявляю летний кросс —
От крыльца к сараю.
Три щелчка получит в нос
Тот, кто проиграет!

Любит Гришка обижать
Тех, кто помоложе.
Но согласен с ним бежать
Комаров Сережа.

А уж Петя Комаров
У ворот сарая.
Притаился между дров,
Гришку поджидая.

Раз-два-три-четыре-пять!
Гришка бросился бежать.

Добежал он, чуть дыша,
Обливаясь потом,
И увидел малыша,
Подбежав к воротам.

Был он очень удивлен,
Даже скорчил рожу,
Оттого что принял он
Петю за Сережу.

— Слишком тихо ты бежишь! —
Говорит ему малыш.—
Сядь-ка, длинноногий,
Отдохни с дороги! —

— Не хочу я отдыхать.
Побежим с тобой опять!
В десять раз быстрее
Бегать я умею!

— Ладно! — Петя говорит,—
Добежим до дома.
Кто кого опередит,
Даст щелчка другому!

Раз-два-три-четыре-пять!
Гришка кинулся бежать.

Все быстрее и все быстрее
Мчится он вприпрыжку,
А Сережа у дверей
Поджидает Гришку.

Ну-ка, Гришка, где твой нос?
Проиграл ты этот кросс!

Говорят, что с этих пор
Не ходил ни разу
К братьям маленьким во двор
Гришка долговязый.

Михаил Матусовский

*

НАЗЫМ ХИКМЕТ В ГАГРАХ

Я встретил в Гаграх осенью Хикмета.
Он, кажется, со всеми здесь знаком.
И огненные волосы поэта
И впрямь как пламя на ветру морском.

Вот он идет, плечистый, большелобый,
С открытым и обветренным лицом.
Не стань поэтом, он бы стал, должно быть,
Каменотесом или кузнецом.

Он долго бродит, споря и мечтая,
Пока не станет на море темно,—
О Маяковском, о судьбе Китая,
О правде итальянского кино.

И вдруг, забыв, что собеседник рядом
И оборвав на полуслове спор,
Невидящим, отсутствующим взглядом
Глядит, глядит в отчаянный простор.

Уже на взморье сумрачно и сыро,
Гудит прибой,— поди останови.
Что он задумал — речь в защиту мира
Иль новую легенду о любви?

И снова рубит воздух он рукою,
И снова дышит яростным огнем.
Как может сердце не болеть такое,
Когда вся боль земли вместилась в нем?!

Так он стоит на выступе открытом,—
А волны катятся к его ногам
И дальше, отливая малахитом,
Бегут к анатолийским берегам...

*

КОТЫ И МЫШИ

Кот Тимофей — открытая душа —
Коту Василию принес в зубах мыша:
Кот Васька отмечал день своего рожденья
И принимал преподношенья...
Увидев дичь, что гость ему принес,
Хозяин проурчал, брезгливо морща нос:
«Спасибо, брат! Но только зря старался!
Давно прошли те дни,
Когда мышами я питался...
Уж ты меня, дружище, извини!»
Смущенный гость был удивлен безмерно:
Чтоб кот не ел мышей? Ослышался, наверно?!
Хотел переспросить, но... подали обед:
Сметану, масло, сыр, печенку и паштет,
Колбасы всех сортов и даже
Такую колбасу, которой нет в продаже!..
К столу все новые закуски подносили.
Тимошка-кот наелся до ушей.
«Вот так, брат, и живем...—мурлыкал кот Василий.—
Обходимся, как видишь, без мышей!»

Когда бы у меня читатели спросили,
О чем завел я в этой басне речь,
Я им ответил бы, что данный кот Василий
Жрал то, что должен был стеречь!

В ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

«Не лучше ли тебе лечь в лужу на дворе,
Чем изнывать на эдакой жаре?» —
Так в знойный летний день Коза Свинье сказала.
«Давно бы я легла, да в луже места мало:
В ней пьяница лежит. Он каждый выходной
В нее ложится, выйдя из пивной!»

Вот так со свиньями роднит себя иной!

ПЕТУХ-БОЛТУН

Петух, с бессонницы, завел себе привычку
Всех раньше подниматься по утрам
И начинать до срока перекличку
С другими петухами по дворам.
Конь, что в упряжке за день наломался,
Не отдохнув, в конюшне просыпался.
Пес вздрагивал во сне и открывал глаза.
Вставали на ноги Корова и Коза...
«Вставайте, лодыри! Проснитесь, лежебоки! —
Кричал Петух.— Проспали вы все сроки!
Довольно вам валяться на боку!
Кукареку! Кукареку!»
Охрипнув от бессмысленного крика,
Всех на ноги подняв от мала до велика
И этим показав, какой «работник» он,
Петух потом весь день в крапиве отсыпался...
(Он даже в курах не нуждался
И годен был лишь разве на бульон!)

Подобное и среди нас бывает:
Иной, как тот петух, с трибуны призывает,
Шумит, кричит, приказы отдает,
Работы требует. А сам баклуши бьет!

БЮРОКРАТ И СМЕРТЬ

За Бюрократом Смерть пришла.
Полдня в приемной прождала,
Полдня в приемной просидела,
Полдня на очередь глядела,
 Что все росла,
 А не редела...
И, не дождавшись, умерла!

«Что-о-о? Бюрократ сильнее Смерти?!»
Нет!
 Но живучи все же, черти!

Алексей Недогонов

*

ЖУРАВЛИНАЯ ПОЧТА

Просторно и чистенько в горенке;
окошко распахнуто в сад,
в саду — ни сучка, ни задоринки,
на яблонях луны висят.

Шумит наливная антоновка,
плоды опустив до земли.
А около — тоненько-тоненько —
жужжат золотые шмели.

Такой задушевно-печальной
еще не бывала заря:
она — словно песнь величальная
в начальный рассвет сентября.

Свежа она поздними травами
и пожнями сжатых полей,
звучна — на реке — переправами,
высокой трубой журавлей,

на кузне — веселыми стуками,
знончком, что в школе звенит.
И вся она — красками, звуками
и запахом душу пьянит.

Покуда ветра за дубровою,
деревья сулят холода,
а утренник лапкой кленовою
шагает по корочке льда,—

далеко, лучами обласканы,
с измученных крыл журавли
роняют пылинки рязанские
на травы албанской земли.

*

За окнами стужа.
Венгерская вьюга метет.
Мы в вилле помещика
молча сидим у камина.
Стреляют дрова.
А в углу о разлуке поет
в руках пехотинца
трофейная мандолина.

Мы все в этом доме
одною судьбою равны...
(Едва ли все это забудется
после войны.)

Тревожная ночь.
«Затяни-ка, дружок, «Ермака»,
ту песню,
с которой орловцы на Шипке
сражались,
с которою мерзли под Плевною
наши войска,
но все-таки в дом свой
живыми они возвращались...»

ДОРОГА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Холмы и курганы
вблизи и вдали —
мозоли войны
на ладонях земли.

На всех расстояньях
шумит чернобыл —
от ханской орды
до фашистских могил!

Разрой чернозем
и взгляни:
что ни шаг —
над костью монгольской
тевтонский шишак,

французские ружья
с суглинком в стволе
(цейхгауз бесславья,
зарытый в земле)...

Оружье и череп —
гробница врагов.
Над нею комбайн,
и пшеница веков,
и тридцать железных
бессмертных ветров
над башнями
танков
и крейсеров.

...Мы солнце куем,
и не ведаем мы,
когда нашу землю
поранит фугас,

но знаем —
тогда уж возникнут
холмы
на том континенте,
что выстрелит в нас.

Мы,
веря всю жизнь
в справедливость свою,
в любую невзгоду —
под Млечным Путем —
пощады не просим
в открытом бою,
а в гневе
прощенья врагам
не даем!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Усталая,
но гордая осанка.
И узелок дорожный за спиной.
Гадала мне гречанка-сербиянка
в Саратове на пристани речной.

Позвякивали бедные монасты
на запыленном рубище ее.
Она лгала.
Но выходило чисто.
Я слушал про свое житье-бытье.

И делал вид, что понимаю много,
хотя она мне верила с трудом.
Тут было всё:
и дальняя дорога,

и беспокойство,
и казенный дом,
тут были встречи,
слезы и свиданья,
и радости,
и горечь женских мук,—
все,
без чего немислимо гаданье
в такие дни на пристанях разлук.
Во всем я видел правды очень мало.
Что слезы — ложь,
что встречи — соврада,
а то, что буду жив,—
она узнала,
и что домой вернусь,—
права была.

ПЕРВОПУТОК

Укутан в сугробы рабочий поселок,
Куда ни посмотришь — бело.
Дорога обычно проходит меж елок,
Ее не видать — замело.

Но из дому вышел рабочий Сельмаша,
В дороге встречая рассвет.
Ступает уверенно школьница наша
В его голубеющий след.

Выходят хозяйки в рассвет еще робкий
И видят, где можно пройти.
Следы постепенно становятся тропкой —
Идущим не сбиться с пути.

Не тропка змеится — дорога большая,
Как зов издалека — «иди!»
Как связь между теми, кто ныне шагает,
И теми, кто шел впереди.

МАЯК

Скала —
И маяк на скале.
И сердце не знает покоя
От чаек, кричащих во мгле, —
Действительно, место глухое!

Куда ни посмотришь —
Прибой
Взбивает вихрастую пену,
Чтоб воздух тускнел голубой,
Седым становясь постепенно.

Раз в месяц
Появится бот —
И тут же уйдет восвояси.
Но долго хватает забот
Посту наблюдения и связи.

Глядел я,
В Либаву идя,
На пламя в Ирбенском проливе —
Сквозь мутную сетку дождя,
Потом перешедшего
В ливень,

И думал:
«Невесело тут,
На камне, торчащем над бездной,
Но люди, что вахту несут,
Душой обладают железной.
И здесь одиночества нет,
Покуда ненастными днями
Маячный беседует свет
С идущими в море огнями».

Лев Ошанин

*

ЗОЯ ПАВЛОВНА

Все уже в конторе этой новой
Знают, что над ней шутить нельзя,
Что у Зои Павловны Стрельцовой
Тихие и грустные глаза.
Серенькое платье в полдень летний,
Серенькая кофточка зимой...
Все старается понезаметней,
Все молчком, сутулясь, стороной.
Словно все, что в жизни ей осталось,—
Тоненько поскрипывать пером.
Словно села здесь и попрощалась
С тем, что в жизни радостью зовем.
А сегодня...

Нет, на самом деле,
Что случилось?

Плавен взмах руки.
Щеки у нее порозовели,
И в глазах мелькнули огоньки.
Что случилось?

Просто к ним в контору,
На плечах неся веселый снег,
По пути зашел Иван Егорыч —
Мало ей знакомый человек.
Оказалось, что улыбкой можно
В женском сердце вдруг разрушить мир.

Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?
Угадал в ней что-нибудь такое,
Что закрыто для других людей,
Или, полный радостью другою,
Невзначай ты подшутил над ней?

А она могла бы быть красивой,
Только надо посмелей глядеть,
Не бежать от радости пугливо,
Понарядней кофточку надеть.
И была-то Зоя не такой.
Вспомним юность над родной рекой.
Зоя, зайка, занька, зайчонок!
Был ли кто звончей среди девчонок?!
Счастье пело над лесистой Камой
В сочных травах, в блеске снеговом.
Закружило и помчало замуж
В солнечном году сороковом.
Как ловил он каждый взгляд невесты,
Как хмелел от робких ласк жены.
Вася, Вася...

Он погиб под Брестом
Хмурым летом в первый год войны.
Девочка еще наполовину,
Вся любовью полная живой,
В девятнадцать, в час рожденья сына,
Матерью ты стала и вдовой.
Так сломалась песня с полуслова.
Сколько вас —

огнем обожжена —
Чуть не сразу из невест во вдовы
Записала горькая война!

В комнате, где все о нем шептало,
Сколько Зоя плакала сначала,
Недоцеловав, недолюбив.

Сколько лет, попрежнему влюбленной,
Все ждала, не веря почтальону,
Все хранила думку, что он жив.
А когда однажды на закате
Поняла, что больше ждать нельзя —
Смастерила серенькое платье,
Потушила карие глаза.
А сынок растет, как ясень.

Можно

В материнстве обрести свой мир.
Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?
А быть может, угадаешь ты,
Что не встретишь сердца ты заветней.
До ее высокой красоты
Далеко иной двадцатилетней.

СТИХИ ОБ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Из цикла стихов

Как это вышло? Чем тебя обидел?
Скажи мне, горькой правды не тая.
Одну неделю я тебя не видел —
И ты уже сегодня не моя.
Себе на горе и тебе на горе
Чужой сломать судьбу твою готов:
Без писем встреча на далеком море,
Цветы без подписи, глаза без слов...
Все это бред романтики грошовой.
Все блажь. И, кроме головы в дыму
И нескольких морщин и лжи тяжелой,
Ничем ты не обязана ему!
Будь он красив иль будь уродлив он,
Будь сердцем выше или ростом ниже,
Будь дважды честен, трижды будь влюблен,—

Знать не хочу его и ненавижу!..
А ты?

Как много прожито с тобою!
И вдруг на все легла чужая тень...
Что ж, убежать от будней проще вдвое,
Чем радостью наполнить каждый день.

*

Трудно тебе, девочка моя,
Чистая, сердечная, родная.
Все, что было в жизни, вспоминая,
В эту ночь один с тобою я.
За чужой порог в чужую дверь
Ты вошла движением незрячим
И не можешь справиться теперь
С сердцем заблудившимся, горячим.
Свежим чувством вдруг обожжено,
Оторвавшись от родного дома,
Словно птица, от меня оно
Отлетело на руки к другому.
Отлетело, заново любя,
К новизне волнений и открытий.
Но остались в сердце у тебя
К моему привязанные нити.
Может быть, я был с тобой неправ —
Ревностью, усталостью, изменой.
Сколько разных маленьких отрав
Наш огонь гасили постепенно!
Но, опять взглянув на весь наш путь,
Все мои и все твои ошибки,
Понял я, что не могу уснуть
Без твоей единственной улыбки;
Понял я, что нет другой руки,
Глаз других и сердца нет другого...
Так необходимы и близки
Каждый взгляд и каждые полслова.

Милая! Сейчас ты с тем, другим,
Где — бог весть. Но только, может статься,
Решено тобой уже, что с ним
Не по силам для тебя расстаться.
Но пока, не зная этих слов,
Я с тобою в нашем общем доме,
В мире запахов твоих и снов,
Слов твоих,— и этот мир огромен.

*

Что мне сказать тебе в тихий час?
Многое в жизни связало нас.
О нас, как о двух снежинках в снегу,
Отдельно думать я не могу.
Ты говоришь о морщинах своих,
Как же могу я заметить их,
Если — в радости и слезах —
Они росли на моих глазах?
В майке и в тапочках
по весне
Девочкой ты пришла ко мне.
Вместе мы начинали жить,
Мир узнавать и с людьми дружить.
Оба любили мы, ты и я,
Чтоб пели, шумели вокруг друзья.
Жизни хотелось нам подлинней,
Дела хотелось нам потрудней.
Ты только вздохнешь, поведешь плечом,
А я уже знаю, взгрустнула о чем.
Слова надежды или мечты
Я начну, а закончишь ты.
Могли мы поссориться в час любви,
Но скучно не было нам с тобой.
Зная одно и одним дыша,
Общей стала у нас душа.

Ты мое сердце, моя рука,
Жилка, стучащая у виска.
Ты — огонек у меня в дому.
Как странно, что это тебе ни к чему...
Неужто, мир опрокинув наш,
Ты душу мою другому отдашь?

*

...Нет, о детях неправда! Нигде в целом свете
Им не сыщется матери — мамы второй.
И не дам я согласия, чтоб головы эти,
Чтобы эти вихры гладил на ночь другой.
Если мы эту заповедь мира нарушим —
Никогда не простим себе слабость свою.
Мы с тобою должны подарить этим душам
Все, что можем на свете, — и дом и семью.

Слышишь, как насторожены речи девчонки.
А ведь — помнишь? — особого счастья полна,
Весела и ребячлива вся она звонко,
Если наша с тобою светла тишина.
А мальчишка. — чудесный бездельник и мастер, —
Как он жадно живет вдохновеньем своим,
Сочинитель и выдумщик, любящий сказки,
Разве правду захочет открыть он чужим?!
Теснота,

и война,

и немножко мы сами
Перед ними уже виноваты с тобой.
Так неужто не сладим своими руками
Наше общее счастье с ребячьей судьбой?

А уйдешь — уходи! Не навек ты отнимешь
Нашу радость, попутчица в ранней судьбе.
Значит, в выборе я виноват перед ними,
Значит, просто — все трое — ошиблись в тебе.

*

Помнишь утро нашей первой ссоры,
Этот давний славный день весенний?
У соседей наших воскресенье,
А у нас придет оно не скоро.
Что случилось? Нам бы рассмеяться,
Дружно за руки с тобою взяться...
И делить нам нечего, подружка, —
Двум студентам, двум веселым птицам:
В комнате диван да раскладушка,
Стол, вот-вот готовый развалиться.
А богатство наше — день весенний,
Да друзья, да Родина большая.

Что за глупость — ссора в воскресенье!
Я встаю, молчанье нарушая.
Но, как гром над нашим небосклоном,
Вдруг зовут к соседям — к телефону.
Через полминуты —

море плещет,

Заливая нашу обстановку:
Послезавтра собирать мне вещи,
В дальнюю лететь командировку.
Я вбегаю, счастлив и жесток:
«Понимаешь? Во Владивосток!»
А взглянул в глаза твои — и замер, —
Милые, они полны слезами.
Я беру твою родную руку —
Это наша первая разлука.

Ты мои рубашки собираешь,
И тихонько вздрагивают плечи.
Улыбнулась...

«Глупый, ты не знаешь,
Как я буду дни считать до встречи...»

*

Где ты сейчас, на каком перекрестке,
В комнате мне незнакомой какой?
Что говорит он, дымя папироской,
Тот, кто к руке прикоснулся рукой?

Если бы это другая, любая,
Так обошлась бы с любовью моей —
Я бы, канаты любви разрубая,
Не оглянувшись, распутался с ней.
Ты же швырнула, как рыбу на сушу...
Что ты придумала? Вынула душу!

Тихо за окнами. Мрачен и темен,
Вечер, как ястреб, уснул на крыле.
Холодно в комнате, холодно в доме,
Холодно мне без тебя на земле.

*

Милая, это правда ты?
Ты вернулась, сердца ровесница?
Шаги твои легкие

из темноты

Угадал я еще на лестнице.
Только что дождь стучал в окно,
Только что было так темно,
Так пусто...

Вот они, бровки черные!
Я так вас ждал, так искал везде —
Глаза в слезах, рукава в дожде,
Улыбки, судьбой моей нареченные...
И сразу — звезды. И нет темноты.
Молчи и гляди, ничего не тая.
Милая, это правда ты?
Моя?

*

Когда сегодня облако печали
Закрыло от меня твои черты,
Мне стало жутко:

вдруг глаза солгали,

Вдруг все еще не вся со мною ты?
А сердце на потерю не согласно, —
Придирчивое, вспомни, расскажи!
Все было так, глаза светлы и ясны,
Твои глаза — в них нет ни тени лжи.
Нет?

Просто днем в блокноте на записке
Какой-то след недавнего числа,
Слова, что так тебе, казалось, близки,
Перебирая вещи, ты нашла.
И что там — плен привычки, или жалость,
Или волнение о его судьбе, —
А слово, вот оно, уже сказалось:
«Приду! Еще раз я приду к тебе».

...Люблю тебя, и нет с любовью сладу,
И нету для меня любви иной.
Ты — жизнь моя. Но мне тебя не надо,
Коли душою ты не вся со мной.

Уйти захочешь — сам открою двери,
Как ни было бы горе велико.
А рвать — так рвать. И можешь мне поверить —
Лишь равнодушным уходить легко...

*

Я слушаю сердце свое. Да.
Я сказал, что хватит силы
Не напоминать никогда
О том, что было.

Но каждый раз, когда мы вдвоем
В тихий вечер,—
Мне видятся за твоим плечом
Его плечи.
Я руку твою беру рукой,
Сердце рвется от стука —
Не точно ли так же брал другой
Эту руку?
Как забыть об этом? Встретить и мне
Тоненькую на углу бы —
Целовать тайком при московской луне
Чужие губы?
Изменой измену смыть, не любя,
Мальчишеством жалким утешить себя?
Не хочу. С тобой у нас дальний путь.

Как забыть то, что было?
Первые наши дни вернуть,
В глаза твои всей душой взглянуть,
Так, чтобы ты забыла!

«Хватит ли силы, чтоб никогда...» —
Ты меня спросила.
Я слушаю сердце свое. Да,
Хватит силы.

1948—1954

Глеб Пагирев

*

СЫНОВЬЯ

Под окном покраснелась рябина,
Опустели поля за селом...
Долго не было писем от сына,
Наконец осчастливил письмом;

Пишет — стал не последним солдатом,
И уже отличили стрелка,—
Удостоили чести быть снятым
При развернутом стяге полка.

Пишет матери с чувством, подробно,
Уважает, видать по письму:
Мол, поклон вам, Акулина Петровна,
Фотография сына — к сему...

И совсем растерялась от счастья,
Не поверила: «Милые,— он!»
При развернутом знамени части
Сын фотографом запечатлен.

Видно, только что сбегал в каперку,
Приделся, подшил воротник,
Разобрал под ремнем гимнастерку,
Подтянулся и замер, как штык.

Ни за что не признала бы сроду:
Стал суровей и строже на вид;
Хоть и служит по первому году,
А каким генералом глядит!

Получил на погоны нашивку,
А домой написать невдомек;
Иль приехал бы сам на побывку,
Погостил у старухи денек.

Истопила бы баньку к приезду,
Обошла, созвала бы родных;
Ну а там и нашли бы невесту,
Каждой лестно — такой-то жених.

Всем хорош: и обличьем и статью,
А что больно суров — ничего.
Посмотрели бы старшие братья
На меньшого братка своего!..

Сердце матери бьется неровно,
Да слезой затуманило взгляд.
И всплакнула Аксинья Петровна,
Мать живых и погибших солдат.

ДЕВОЧКА

Погиб твой батька где-то на Днепре,
А ты его ждала, не забывала
И часто, днем играя во дворе,
Его в других военных узнавала.

Как прежде, мать вставала досветла
И возвращалась затемно с работы:
Насущные житейские дела,
Привычные домашние заботы.

Все шло своей обычной чередой,
Но как-то, в день Октябрьской годовщины,
В твой тихий дом вошел немолодой,
Знакомый только матери, мужчина.

Вошел, шинель повесил у дверей,
Где прежние, отцовские, висели,
Легко пригладил щеточки бровей,
Какой-то сверток вынул из шинели.

Ты, как зверек, из темного угла
Взглянула вопросительно и робко
Сперва на мать, потом на край стола,
На праздничную яркую коробку.

«Ну, подойди к отцу! Не будь такой...»
И ты опять окинула глазами
Мужчину с перевязанной рукой,
С чуть-чуть посеребрёнными усами.

Он был тебе, конечно, не знаком,
Но разговор отцовский был, похожий;
Так по-отцовски пахло табаком,
Одеколоном и скрипучей кожей!

Так сиротливо было без отца,
Так трудно было ждать четыре года,
Что ты смогла поверить до конца
Тому, что он вернулся из похода.

И что тебе осталось? Подбежать,
Отбросить непослушные косички,
К его коленям голову прижать
По прежней, незабывшейся привычке.

РАДУГА

Над крутыми берегами,
Над широким валом,
Над полями и лугами
Радуга вставала.

И тогда, водой пыля,
Наша речка синяя
И заречные поля
Стали всех красивее!

Вся внезапная вода
Отливала оловом,
Все мальчишки, как всегда,
Задирали головы.

Радугой разбужены,
Шли мальчишки лужами
С криком:

«Радуга-дуга,
Перебей дождя!»

Этим чудом по весне
Край был так обрадован:
Даже капля на весле
Отражала радугу!

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Еще снежных туч гряда
Не боялась ветра,
Еще талая вода
Не была заметной;

Еще, полные угроз,
По снегам летели:
В рукавицах — мороз,
В варежках — метели.

Но уже расцветал
Над излукой дальней
Чернотал,
Краснотал,
Белотал —
Тальник!

Перехода к весне
Это не решало,
Но река в полусне
Глубже задышала.

И казалось ей,
Грустной, одинокой,
Что до радостных дней
Уж не так далеко!

НА СОЛНЕЧНОМ ПЛЕСЕ

На солнечном плесе,
У самой дороги,
Мыла Марусенька
Белые ноги.

И песенку пела —
Хорошее дело;
Далеко над речкой
Она полетела.

Далеко, высоко
Прошла над лесами,
Над русским раздольем,
До самой Рязани.

С косой золотою,
С большими глазами,
Ее услышала
Девчушка в Рязани.

Запомнила сразу
И сразу запела...
Лети дальше, песня, —
Хорошее дело!

Александр Решетов

*

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Жизнь удивительна, ей-богу,
И, право, так же хороша!
Вот собираешься в дорогу,
И грустью полнится душа;
Всего ей жаль:
И невской сини,
И улиц — нам под стать — прямых,
И неба хмурого над ними,
И золотых огней на них...

Как будто в дальнем дольном мире
Ты не влюблялся в города,
А над Невой,
В своей квартире,
Не ведал скуки никогда.
Неправда,
Ты и горе мыкал
На этих улицах прямых,
И пел от счастья в тундре дикой,
И не робел в краях чужих.

Так почему ж перед дорогой
Душа встревоженно-грустна, —
Иль позабылось ей о многом,
Иль помнит многое она?

В холодном камне нет пристрастья.
А ты, волненья не тая,
Гляди:
Для горя и для счастья
Здесь крепла молодость твоя.

Сюда из странствий, из походов
Тебя ждала, старея, мать
Под сбереженный кров, под своды,
Что оставляешь ты опять.
Пусть обживешься там, где не был,
Увидишь гладь, где шторм встречал, —
Благослови под хмурым небом
Твой Невский берег —
Твой причал.

Николай Рыленков

*

* * *

Всегда задумчива, скромна,
Как верба у ручья,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Обожжена, как верба та,
Не раз грозой была.
Казалось: нету ни листа,
А смотришь — ожила!

Шумит, как прежде, зелена,
Вчерашний вздох тая,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Я на твоих просторах рос,
Лелеял все мечты,
О, дай мне сил, чтоб после гроз
Я оживал, как ты!

* * *

Пусть говорят, что яблоневым цветом
Под майским небом юность опадет.
Где пустоцвета не было, там летом
Нальется солнцем и созреет плод.

И, глядя, как висит он горделиво,
Мы скажем: все прекрасно в свой черед —
Пора цветенья, и пора налива,
И мужественной зрелости приход.

* * *

В опустевшем поле скучно птицам,
Снегири зазимка ждут в кустах.
В эту пору осень-мастерица
На деревне обряжает свах.

Свахи смотрят хитрыми глазами,
Будто впрямь им все вершить дано,
А ребята с девушками сами
Сговорились уж давным-давно!

Илья Сельвинский

*

ПЕРВЫЙ ПЛАСТ

Еще не расцвел над степью восток,
Но не дожидаться утра —
И рупор сказал, скрывая восторг:
«Внимание, трактора!»

Громак переходит лужу вброд.
Оттер от грязи каблук.
Сел. Сейчас он двинет вперед
«С-80» и плуг.

У этого плуга пять корпусов,
По сталям — сизый ручей.
Сейчас в ответ на новый зов
Пять упадут секачей.

Уже мотор на высоких гromaх,
Сигнала ждут топоры...
Так отчего же, товарищ Громак,
Задумался ты до поры?

Степь нахохлила каждую пядь,
Но плуг-то за пятерых!
Ее, бескрайнюю, распахать,
Как новый открыть материк.

Она покроет любой недород,
Зерно пудовое даст.
Громак! Тебе поручает народ
Первый
поднять
пласт.

Какая награда за славный труд!
Но глубже, чем торжество,
Чует Громак: история тут...
И я понимаю его.

«Пошел!»
Отливая, как серебро,
Трактор грянул серьгой —
Первый пласт поднялся на ребро,
За ним повалился другой.

И залоснился в жире своем,
Свиному салу сродни,
Фиолетовый чернозем —
Перегнутой одни.

Первая... Первая борозда!
Но что
одной

за цена?
Этой ли тоненькой обуздать
Такое, как целина?

Желтеет степь, и рыжеее дол —
Они
во весь
кругозор!

А трактор ниточку повел,
Стремясь доползти до зорь.

Вокруг огромный горизонт —
Нахмуренный,
злой...

А трактор медленно грызет
По нитке шар земной.

Но ниточка уж так строга
И в дымке так тепла,
Как гениальная строка,
Что эпос начала.

НА ВЫСТАВКЕ ЦВЕТОВ

Хризантемы, всюду хризантемы...
Если бы могла увидеть ты!
Нет, неправда, что растенья немые,
Будто бы не говорят цветы.
Розовые, бледноглубые,
Золотые, белые как снег...
Это чудо вижу я впервые,
С севера прибывший человек.
И они мне говорят о юге,
Об осеннем ласковом тепле,
О далеком, очень добром друге,
О хорошем счастье на земле.
И о том, как ветер над горами
По утрам пролетных птиц несет,
О потоках звездных, что ночами
Льются в море с призрачных высот.
Нет, неправда, что растенья немые,
Будто бы не говорят цветы.
...Хризантемы, всюду хризантемы.
Если бы могла увидеть ты!
А за ними и лазурь и зелень.
К тихому прибою сходит сад.
Ослепительный простор расстелен,
Паруса в безветрии висят.
Письма бы мои грустнее были,
Ты б жила печальней вдалеке,
Если бы цветы не говорили
На понятном людям языке.

ЛЕНИН

Он стоит уверенно и крепко.
Под ногами сталь броневика.
Не винтовку,
а простую кепку
Стиснула горячая рука.

Он везде,
Он постоянно рядом,
Исполин с воздетою рукой.
Под его родным, отцовским взглядом
Стал другим,
воспрянул род людской!

Скромный, мудрый, небольшого роста,—
Он таким безмерно дорог мне,
Не в броню закованный,
а просто
Человек, стоящий на броне.

ПОЭТУ

Были вдохновение и отвага,
был сверкнувшей молодости взлет...
Где-то между сердцем и бумагой
молнию поймал громоотвод.

И пошли — какая там стихия! —
просто бесполезнее трухи
скучные, холодные, сухие,
гладко бессердечные стихи.

Но ведь был же вспышкой запала
брошен ты за стол в ночной тиши!..
Кончено. Прошло. Пиши пропало.
Нет! Когда пропало — не пиши!

Не пиши. Убей стихотворенье.
Если между сердцем и пером
встал проклятый камень преткновенья —
дело не окончится добром.

Жизнь свою начав с другой страницы,
ринься в битву яростным рывком —
с ленью и с боязнью ошибиться,
с тупостью, с чиновным дураком.

Но не смей дешевой позолотцей
красить худосочные слова.
Быть стихам! А камню — расколоться.
Камень — мертв. Поэзия — жива!

НА СТАНЦИИ «МАЯКОВСКАЯ»

Станция метро —
 площадь Маяковского.
Здесь снуют ежеминутно
 поезда.

Сталью нержавеющей поблескивая,
высятся колонны
 в два ряда...

Вдруг увидел я
 людей в нарядах странных:
из далекой Индии приехавших гостей,
в платьях огненных,
 в халатах и тюрбанах...

С эскалатора сошли они
 и встали у путей.

Кто остановил свой взор на стали,
 кто на мраморе,
кто в плафоны
 вглядывался остро.

Видно, сравнивали
 со своими храмами
зал
 московского метро.

Вместе с ними,
 поправляя галстук алый,
ясноглаз,
 спокоен,
 светлорус,

как хозяин,
 пионер ходил по залу...
Долго на него смотрел
 поэт-индус.
Подошел к нему,
 по голове погладил —
слезы по щекам морщинистым бегут.
И, в глаза мальчишки голубые глядя,
улыбнулся пионеру:
 «Вери гуд!»¹

(Может, вспомнил он
 детей рабочих,
зябнувших от голода
 в тропической ночи...)
Улыбались все индусы,
 улыбался переводчик,
улыбался пионер
 и окружающие москвичи.

Снова подлетел к перрону поезд.
Сразу двери настезь — заходи!
Делегация вошла в вагон
 с толпою,
и старик вошел,
 сложив ладони на груди.

Вот в тоннеле скрылись
 синие вагоны.
Грохот смолк.
 Состав умчался вдаль.
Тихо на перроне.
 Светятся колонны —
нержавеющая сталь...

¹ Очень хорошо!

Федор Сухов

★

В СТЕПИ

Ни кургана, ни дёревца — плоско, голбо,
Вот они, прикаспийские знойные степи,
Где орел, на одно припадая крыло,
Пролетает, когтистый и серый, как пепел.

Он сейчас над машиной моей прокружил,
И, почуяв недоброе в реве мотора,
Распластавшись над степью, степной старожил,
Он окинул меня своим пристальным взором.

А машина минует солончаки,
Как мозоли земли, что была позабыта
Даже теми, кто издавна с легкой руки
Мог на камешке вырастить звонкое жито.

Где ж она, черноземная та целина,
О которой писалось, читалось так много?
Неужели и вправду дорога бывает длинна,
Если ты никого не встречаешь дорогой?

Как молочные реки, текут миражи,
А за ними желтеют — неужто пустыни?
Но я чувствую запах пшеницы иль ржи,
Перемешанный с горьким настоем полыни.

Значит, нет, не пустыни,— желтеют хлеба,
Клонят головы в умные руки комбайна,
Дальше, там, где дымится печная труба,
Ходят сизые голуби мирно, попарно.

И орел, он сюда прилетел, заглянул,
Посмотрел с высоты беспокойно, угрюмо,
А потом спохватился, назад повернул,
Унося свою тень на пески Кара-Кумов.

Любимла Татьянаичева

*

МАМА

Как часто невниманьем обижаем
Мы в юности отцов и матерей,
Домой из института приезжая,
К товарищам торопимся скорей.
На завтра отложив все разговоры,
Едва успев костюм дорожный снять,
В ромашковые милые просторы
Уже летим мы детство догонять.
Шутя, в друзей бросаем мы цветами,
Забыв нарвать для матери букет.
А мать нас ждет, живет и дышит нами,
Обновы шьет, готовит нам обед.
А по ночам сидит у изголовья,
Боясь коснуться щек и сонных глаз.
С такой надеждой, лаской и любовью,
Наверно, смотрит Родина на нас.
А ночь идет, всю землю обнимая,
Закутав в бархат тихие дома,
Но мать не спит... Я это понимаю
С тех пор, как стала матерью сама!

Николай Тряпкин

*

* * *

Сама и хату подмела,
Сама окошки вымыла...
Тебя не смел я пригласить,
А ты пришла, любимая.

Ты обняла моих детей —
Застенчивая, быстрая,
И расплелась твоя коса —
Большая, золотистая.

А в поле зреющая рожь
Июлем наполняется.
А мне-то солнышко твое
С полудня улыбается.

А я-то жмурюсь от него
На улице ли, в хате ли,
И что в тебе моя судьба —
Твержу отцу и матери.

И я зову тебя женой
И не скрываю жалости,
Что ты измучена другим
И плачешь от усталости.

А ты опять расправься той
Ромашкою несмятою...
И не смущай моих детей
Улыбкой виноватою.

Не оттолкнут, не убегут
И не сочтут непростительной...
А я вот так — пятнадцать лет
Люблю тебя, хорошую.

РЕИД

Через овраги,
мосты, косогоры
Свежий снежок
притоптали селькоры.
Кто по проселку,
кто по шоссе —
Хлопцы шагают
в нагольной шубейке;
Ловят ноздрями
под легким морозом,
Тянет ли с поля
сумётным навозом;
Смотрят — курятся ль
окрестные хаты,
Жмурятся, стоя,
на снежные скаты;
А карандашик,
дождавшись работы,
Ходит по белой
полянке блокнота...

Замерли вехи
напудренной веткой.
Хлопцы шагают
с потертой планшеткой,
Держат, пристав
к дровяному обозу,
Путь от колхоза
к другому колхозу...

Что же вы, села,
снегами повиты?
Чьи там окошки
досками забиты?
Провод гудит
и вздыхает глубоко,
Многих зовет
издалека-далека...
Рейдом дозорным
проходят селькоры:
Кто там в седых
показался просторах?
Чье возвращенье,
как праздник, отметят
Очерк и рифма
в районной газете?..

Белые вехи
бегут по России...
Эй вы, селькоры,
друзья дорогие!
В легкой шубейке
за отчим порогом
Сам я хожу
по таким же дорогам.
Милости просим
в деревни родные,

С новым народом
авто грузовые!
Здравствуйте, люди,
которых так надо!
Ставьте поселки
в четыре посада,
Снежные скверы
наполните песней...
Будет о жизни
писать интересней.

Вероника Тушнова

ТИШИНА

Двое шли и ссорились.
А ночь
голубела празднично и хрупко.
Двое шли и ссорились.
Уступка
не могла уже ни в чем помочь.
Их несправедливые слова
раздавались явственно и гулко.
А в несчетных лужах переулка
залегла такая синева,
словно небо в них перелилось...
В каждой синяя луна лежала,
в каждой облако, дымясь, бежало,
тонкое и светлое насквозь.
Пахло глиной и древесным соком,
холодом нестаявшего льда.
Шелестела зябкая вода,
торопясь по звонким водостокам.
Мир лежал торжественный такой
и необычайно откровенный.
Он бы выдал тайны всей вселенной,
но под равнодушною ногой
разлеталась вдребезги луна,
облако тонуло,

и на части
хрупкая дробилась тишина...
И никто не вспомнил, что она —
тоже счастье.
И какое счастье!

МАТЬ

Года прошли,
а помню, как теперь,
фанерой заколоченную дверь,
написанную мелом цифру «шесть»,
светильника замасленную жечь;
колышет пламя снежная струя,
солдат в бреду...
И возле койки — я.
И рядом — смерть.
Мне трудно вспоминать,
но не могу не вспоминать о нем...
В Москве, на Бронной, у солдата — мать...
Я знаю их шестиэтажный дом,
московский дом...
На кухне примуса,
похожий на устье коридор,
горластый репродуктор,
вечный спор
на лестнице... ребячьи голоса...
Вбегал он, раскрасневшийся, в снегу,
пальто расстегивая на бегу,
бросал на стол с размаху связку книг —
вернувшийся из школы ученик.
Вот он лежит: не мальчик, а солдат;
какие тени темные у скул,
как будто умер он, а не уснул,
московский школьник... раненый солдат.

Он жить не будет.
Так сказал хирург.
Но нам нельзя не верить в чудеса,
и я отогреваю пальцы рук...
Минута... десять.. двадцать... полчаса.
Снимаю одеяло,— как легка
исколотая шприцами рука.
За эту ночь уже который раз
я жизнь держу на острие иглы.
Колющий иней выбелил углы,
часы внизу отбили пятый час...
О как мне ненавистен с той поры
холодноватый запах камфоры!
Со впалых щек сбегает синева,
он говорит невнятные слова,
срывает марлю в спекшейся крови...
Вот так. Еще. Не уступай! Живи!
...Он умер к утру, твой хороший сын,
твоя надежда и твоя любовь...
Зазолотилась под лучом косым
суровая мальчишеская бровь,
и я таким увидела его,
каким он был на Киевском, когда
в последний раз,
печальна и горда,
ты обняла ребенка своего.

.
В осеннем сквере палевый песок
и ржавый лист на тишине воды...
Все те же Пионерские пруды,
шестиэтажный дом наискосок,
и снова дети роются в песке...
И, может быть, мы рядом на скамью
с тобой садимся.
Я не узнаю
ни добрых глаз, ни жилки на виске.

Да и тебе, конечно, невдомек,
что это я заплакала над ним,
над одиноким мальчиком твоим,
когда он уходил.
Что одинок
тогда он не был...
Что твоя тоска
мне больше, чем кому-нибудь, близка

Виктор Урин

*

МЫ ОБА СПЕШИМ НА СВИДАНИЕ

«Ка-два-тридцать пять-две семерки».
«Ну, что, мы пойдем на каток?»
И в это же время в Нью-Йорке
Звенит телефонный звонок.

Как радостно это, желанно,
Другого не надо взамен...
Я нежно сказал ей: «Светлана».
С восторгом ты выкрикнул: «Джен!»

Мы оба спешим на свиданье
И вот ожидаем с тобой:
Один у высотного зданья,
У стен небоскреба — другой.

Мы ждем. Нас тревожат догадки.
Волнуемся, думаем, ждем.
Стоишь ты в широкой канадке,
А я в полушубке своем.

Глядим на часы поминутно.
Как видно, заждались совсем.
Без четверти семь — было утро.
И вечер: без четверти семь.

И мы заготовили фразу.
Что делать?.. Попробуй тут — верь...
Но вот подошли они сразу,
Нас четверо стало теперь.

Прижавшись к плечу дорогому
(Наш путь так привычен и прост),
Мы будем идти по Тверскому,
А вы через Бруклинский мост.

Ты скажешь ей тихо:
«Ай лав ю...»
Я тоже скажу, что люблю,

Обрадуюсь, песней прославлю,
Пойду с ней к родному Кремлю.

О нас и не вспомнишь ты даже,
Будь счастлив, мой сверстник, живи!
Мой город сегодня на страже
Свиданий и первой любви.

Мы шли в говорливом потоке
И в битве за наши права.
«Дай руку, товарищ далекий», —
По радио пела Москва.

ЕСТЬ ТРУДНОСТИ...

Есть трудности, когда приходят в степи.
Есть временный суровый неуют,
и праздничный, во всем великолепии
жизнелюбивый, мужественный труд.

Привычно было всякое жилище:
землянка, и палатка, и шалаш.
Но что это? Смотрю во все глазища,—
пожалуй, сразу и не передашь.

Я видел сам, как выросли за сутки
для личного состава целины
квадратные, приземистые будки —
два метра от стены и до стены.

Они стояли четким плотным строем —
Трудились люди, не жалея сил.
И лагерь этих временных построек
какой-то вид воинственный носил.

И знал я, что они не из гранита,
но словно были тверже, чем гранит,
и в них была такая сила скрыта,
которая что хочешь победит!

И как там по дорогам ни кружите —
запомнится, куда ни поезжай,
целинной молодежи общежитье —
первоначальный бой за урожай.

Николай Ушаков

*

СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Яблони цветут в Ашага-Стале¹.
Пчелы прилетают налегке,
лепестки роняют,
как роняли
при хорошем нашем старике.

Здесь в саду бродил он снова,
снова,
останавливался,
вновь ходил;
самое существенное слово,
громко вскрикивая,
находил.

Голос громче был,
сильней волнение,
образ ярче —
чувствовал поэт:
оформляется стихотворенье,
мысль ясна,
а вот названья нет.

¹ Родной аул Сулеймана Стальского.

Лепестки летели осторожно:
не спугнуть бы строчку старику.
Именно они,
это возможно,
залетали рифмою в строку.

И не рифмой,
не редифом ¹ даже,
мыслью,—
в ней поэта мастерство.

И о чем стране весною скажет
лепесток,
летающий вокруг него!

Хорошо трудиться Сулейману.
Дело подвигается вперед.
«Дружбу я узнал,
не перестану
петь о ней,
пусть яблоней цветет!»

Песню слушают сперва лезгины.
Но все шире,
дальше
песни бег.
«Яблоня моя среди долины,
под горою,
на которой снег!»

Хорошо,
отрадно петь ашугу.
Песня-радость только родилась —

и уже спешит
в Дербент,
в Калугу,
с Тулою поддерживает связь.

Яблоневый цвет
везде,
повсюду;
он в Москве,
он говорит Кремлю:
 «То, что я узнал,
 не позабуду,
 то, что полюбил,
 не разлюблю».

¹ Реди́ф — слово или несколько слов, повторяющихся вслед за рифмой в стихе.

Илья Френкель

*

СВАТОВСТВО

Бьется горькая Катинка
На помещичьей земле —
Нету доли
Горше вдовьей,
Нет бедней семьи в селе.

Ляна, Люба, Параскица,
Да Гафийка, да Марица —
Мал-мала, как говорится:
Мамалыги, то и знай,
Только дай да подавай!

Это ж надо — пять девчонок
У Катинки, у вдовы.
Хоть одну господь прибрал бы —
Нет, растут быстрее травы.

И добро бы хоть рожала
Мальчуганов, не девчат,
Длинноногих, да костлявых,
Да чернявых, как галчат.

Хорошо хоть работащи —
Прибирать, варить, стирать.
Слова нет, что помогают,
Да куда их, целых пять!

Между тем подходит время —
Роковой девичий срок:
У соседей дочки в лентах,
Их зовут на каждый жок¹.

И все чаще плачет мама
Втихомолку по ночам,
Чуть прислушается только
К тихим девичьим речам.

Самой старшей, Иленуце,
Через год шестнадцать лет:
Не успела оглянуться —
От парней отбоя нет.

Вот красотки так красотки!
В поясах они тонки,
Как соломинки, легки;
Неужели с мамалыги
Здоровы, как мужики?

Жаром веет от румянца.
От бровей, от черных кос.
И куда девалось детство —
Ноги в цыпках, мокрый нос?

Заневестилась Иляна,
Появляются сваты.
Поглядели — и сдурели
От девичьей красоты.

¹ Жок — хороводная игра, гулянье.

И сказали Иленуце:
«Будь супругой богачу».
А дурная молдаванка
Отказала: «Не хочу».

Закричали на Илянку:
«Ставим пиво на меду!»
А девчонка отвечает:
«Не пойду», да — «не пойду!»

Дом сулят под черепицей,
Огород, фруктовый сад,
А бесстыдница как взвизгнет:
«Отворачивай назад!»

Тут жених разбушевался:
«Не брыкайся! Запрягу!»
А она ему на это:
«Из оглобель убегу...»

Сваты плюнули с досады,
Дверью хлопнули — и прочь:
Так пускай же вековухой
Помирает, сучья дочь...

Год прошел, и к Мариоре
Подкатил девичий срок —
Снова шапки-бессарабки
Подмели в избе порог.

И сказали Мариоре:
«Дай согласие богачу».
А смутьянка молдаванка
Ни в какую: «Не хочу!»

Сваты звякнули деньгою.
«Купим шубу», — говорят.
Огрызается чертовка:
«А на кой, простите, ляд?»
Да еще углем на печке
Написала: «Не люблю».
Женишку аж глотку сперло.
«Все гнездо, — хрипит, — спалю!...»

Сваты в сени друг за дружкой
И со злости дверью — хватъ:
Мол, пускай и эта дура
Остается вековать...

Как взбесились богаты —
Сопляки и старики, —
Загоняли бедных сватов,
Просят сердца и руки.

Что за черт! Кому откажут,
Тот не спит, не пьет, не ест,
Будто нету в Дубоссарах
Никаких других невест.

А Катинкины девчата
Отошлют любого свата,
Уважаемых людей,
Дубоссарских богачей —
Засмеют и опозорят,
А потом за дверь спроворят.

Грянул год сороковой,
Для боярства роковой:
В наших Старых
Дубоссарах
Наступил советский строй.

Будто солнцем озарило
Катеринин бедный двор —
Богачей уже не видно
У ворот пяти сестер.

А красавицы-сестрицы —
Ляна, Люба и Марица,
Да Гафийка с Параскицей —
Еще краше расцвели.

Молодежь вокруг толпится —
Есть кому на них жениться.
.....
Вдруг фашист сломал границу,
И враги в село вошли.

И пошло совсем другое
В Дубоссарах сватовство:
Кто попался к полицаям —
Только видели того.

Не смычки поют на свадьбах —
Лихо свищут шомпола,
Бьют чечетку автоматы
С четырех концов села.

Не заметила Гафийка,
Как дошло и до нее:
Налетело на невесту
«Сватовье», как воронье.

Все в мундирах полицейских,
При погонах золотых.
На смутьянку молдаванку
Пистолет навел «жених».

«Ну, сдавайся, партизанка!
Я барон фон Бибенберг.
На дворе стоят два танка.
Стой! Ни с места! Руки вверх!»

А пока «жених» ярится,
Разоряется пока,
Ткнулись в берег дубоссарский
Два рыбачьих челнока...

«Сваты» роются в кладовке,
«Сватам» хочется поесть.
«А подайте-ка, хозяйки,
Млеко, яйца,
Все что есть...»

Вдруг откуда-ниоткуда
Из окошка автомат.
«Сваты» — в сени, а оттуда —
С красной звездочкой солдат!

И пошел на этой почве
Откровенный разговор:
Как по-русски говорится —
Все на свете и топор...

Дым развеялся. Не видно,
Где «сваты» и где «жених»,
А по стенкам, на гвоздочках,
Пять пилоток фронтовых.

Да шинели по уставу,
Да винтовки по углам.
Гармонист стучит в окошко:
«Я хочу на свадьбу к вам!»

Леонид Хаустов

✻

ВОСПОМИНАНИЕ

С тех ранних лет запомнил я немного:
Казавшийся бескрайним школьный сад,
Двор в лопухах да пыльную дорогу,
Что где-то упирается в закат.

Но в каждой жизни есть черта, с которой
Воспоминаний непрерывна нить,
Есть некий день, всегда открытый взору,—
Его ничто не сможет затемнить.

В то утро солнце выплыло над садом.
Я стул придвинул и в окно смотрю:
Полосет флаг с рябиной красной рядом.
Мне было семь, и десять — Октябрю.

А площадь вся запружена народом.
Телег везде, как в ярмарочный день.
И по дороге тянутся подводы,
Видать, из самых дальних деревень.

В селе был митинг. Люди песни пели,
Без шапок стоя, строгие лицом.
А мы, мальчишки, под трибуной в щели
Глазели, угощаясь леденцом.

Хотелось встать в шеренгу пионеров,
И я смотрел, смотрел во все глаза
На выстроенных милиционеров,
Паливших из винтовок в небеса.

Мне повезло: контролем не замечен,
Я проскользнул с толпой в Народный дом.
И на полу, у сцены, целый вечер
Смотрел спектакль, застыв с открытым ртом.

И было мне то холодно, то жарко.
Першило в горле от лихой тоски,—
Так было мне учительницу жалко,
Которую убили кулаки!
С тех пор прошли стремительные годы;
За мной дороги,
 страны,
 города.

Впервые я частицею народа
Себя в тот день запомнил навсегда.

Яков Хелемский

*

ИЗ СТИХОВ О ШЕВЧЕНКО

Базармы. Пыльный плац. Бойницы укреплений.
Каспийский горизонт да глинистый пустырь.
За валом крепостным уныло бродит пленник.
Хоть парус бы мелькнул! Безжизненная ширь...

Закат перегорел и превратился в пепел.
До утренней зари отложена муштра.
Последний луч горит над морем и над степью.
Последний уголек истлевшего костра.

Верблюжьей тропой через бугры сухие
Опять идет солдат, уныние гоня.
В кибитку входит он. Казахи кочевые
Приветливо его встречают у огня.

Перенести б на холст и стариков почтенных,
И смуглых малышей на краешке кошмы,
Лоснящийся котел, и войлочные стены,
И отсветы огня средь зыбкой полутьмы.

Пусть короток досуг — над степью непрестанно
Грохочет барабан — все громче зорю бьют, —
Ему несут кумыс, приветствуют гортанно,
Играют на домбре, произительно поют.

И гость поет в ответ. Ему внимают жадно.
В старинной думе той — надежда и тоска,
И пусть ее слова казахам непонятны —
Ее живая боль им, как своя, близка.

Так лирики поют, бывало, в день базарный...
В котле кипит вода, не меркнет жар в золе.
И что ему сейчас постылая казарма
И пьяный офицер? Есть люди на земле!

И даже там, где плац, где спишь на грязных нарах,
Солдат солдату весть об этом подает.
Душевный разговор с российским братом жарок,
И хочется писать все ночи напролет...

В соленом озерце блестит луны осколок.
Бьют зорю вдалеке. Пора... И гость встает.
И кто-то перед ним распахивает полог —
И свежестью дохнул холодный небосвод.

Пусть впереди опять фельдфебельская ругань,
И рыжие бугры, и чертова жара...
Он вновь набрался сил. И, словно голос друга,
Вослед ему звенит радушная домбра.

Вадим Шефнер

*

БЕССМЕРТИЕ

...Но сердце работает тише и глуше,
И комнату серый туман заволок...
А сколько сердец он за жизнь переслушал
И скольким не остановиться помог!

Сегодня — последнее в жизни сегодня,
И он отбывает на вечный ночлег.
И голову он от подушки приподнял,
Чтоб мир оглянуть — и проститься навек.

Дохнуло весною и солнцем горячим,
И он увидал сквозь предсмертную тьму —
Шли матери;

 улыбаясь и плача,
Прощаться детей подводили к нему.

И дети, спасенные в давние годы,
Пришли, натащили охапки цветов, —
Студенты, колхозники и мореходы,
Строители зданий, плотин и мостов.

И, встав из могил, в изголовье присели,
Склоняя оружие пред старцем седым,
Герои, от смерти еще в колыбели
Для славы бессмертной спасенные им.

И все, кто нашел у него исцеленье,
Явились к нему, молоды и сильны,
Со скоростью света пройдя за мгновенье
По тысячеверстям великой страны.

Всю жизнь он окинул от края до края —
И радость, и труд, и борьба, и покой...
И доктор подумать успел, умирая,
Что, может быть, смерти и нет никакой.

Степан Щипачев

*

Тень облачка скользит по раме,
Высоко в доме их окно,
И прямо в звезды вечерами
Всегда распахнуто оно.

Светла их комната большая,
Куда друзей они зовут,
Где, в спорах многое решая,
Они в согласии живут.

Уж сколько песен перепели
И поизъездили земли.
Качали сына в колыбели
И вместе в первый класс вели.

Весь мир, с листвою, с весенним громом,
С нелегким каждым днем своим,
Неповторимый и огромный,
Для радости открылся им.

И, счастьем радуясь такому,
Печально тут же слышать речь
О тех соседях и знакомых,
Что не смогли любовь сберечь,

Где крики, слезы, боль все резче,
Где верх берет житейский хлам,
Где и окно — не только вещи —
Фанерной стенкой — пополам.

ИЗ АЛБАНСКИХ МОТИВОВ

В ущелье, где ходит ветер,
Охотник сидит у ручья.
Он в вышитом черном жилете
И с розою в дуле ружья.

Взбирался он скалам на плечи,
В долины спускался не раз.
Вернувшись в Тирану под вечер,
Он розу любимой отдаст;

Он глянет на темные брови,
На розу в девичьих зубах,
И губы исколет до крови,
Чтоб смять лепестки на губах.

Тамара Ян

*

ВОЗНИЦА

Меня везет в колхоз «Зарница»
Совсем молоденький возница —
Парнишка лет тринадцати,
А может быть, двенадцати...

Он, важный, рыжий, как подсолнух,
Сидит, качаясь, на возу,
А воз плывет на знойных волнах
В полях,
что чувствуют грозу.

Синеет туча снежной шапкой,
И вдруг — удар, и вдруг — другой.
Закрылось солнце,
стало зябко,
И ливень загудел рекой.

Он обжигает грудь и спину,
Лицо безжалостно сечет,
И мой возница мешковину
Бросает мне через плечо.

А сам сидит, степенства полный,
Не шевелясь, — мол, не впервой, —
Сияя рыжей, как подсолнух,
Ребячьей круглой головой...

Александр Яшин

*

ОХОТНИК

Пред девушкой похвастать
Охотник ничем не мог.
Вот если б к лесным богатствам
Сводить ее на денек

За ягодами, за медом
За свежим
От диких пчел, —
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье.
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, все твое!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
«Пойдете в бор на прогулку?»
Она сказала:
«Пойду!»

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

«Смотрите, какие выси,—
Кричал он,— стена-стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чаще,
Без устали мчась вперед,
Он стал забывать все чаще,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбrehнула —
Охотник, взведя курки,
Понесся — как ветром сдуло —
На лай, сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —
Не под руку, где уж там!
Она едва поспевала
Бежать за ним по следам.

Не меряны километры,
Несчетно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
«Ну как, денек по душе?»

Шалаш для него стал раем.
И, разжигая костер,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор —

Издалека,
С начала:
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
«Давай, любимая, обед,
Дружок пришел ко мне,

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!...»
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи.
А в кухне в три камфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт:
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт.

Одна скрипучая скамья
Да табурет — на круг...
«Ну, вот мой дом, моя семья,
Смотри!» — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десятков стульев вокруг стола
Под люстройю стоят.

Гора игрушек:
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок:
Конечно, детский бог.

«Ну, что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?»
«Да мы, дружок, одни».

«Как так одни? А дети где?» —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит:
«Мы без детей живем,
Работы много, — говорит, —
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их.
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...»

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но, показалось, и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
«У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны».

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

«Ну-ка, песню, что ли, для начала:
«Степь да степь кругом!» —
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала.
Степь вокруг, без края, без конца...

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко;
У девочки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы,
Чемоданы сложены у ног.
Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Все чужим казалось, незнакомым;
Сизой дымкой даль заволокло.
А запели песню — и как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...» —
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Вологжанин с круглым говорком.

Поначалу глухо и несмело,
Но когда взялись сибиряки,
Песня окрылилась, полетела
Вширь и вдаль,
По берегу реки,

По-над рощей, в небо голубое,
В холодком подернутую высь.
Захватила песня все живое:
Из села гудки отозвались,

Зашумели гуси по озерам,
И на посевные рубежи
Издалека двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит.

Все вокруг с ребятами запело.
Поднялись — уже одна семья.
И старшой сказал:
«Пора за дело!
Вот и познакомились, друзья»

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стучаются лбом.

Вода в Катунь рвет и мечет,
Но кажется — она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугу зажжет, —
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
Вмиг налетевший холодок,
Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели град? Ужели нечем
Его в горах остановить?
Ужели, все вокруг калеча,
И вкривь и вкось начнет он бить?

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная даль полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом.
И вздох людской был, как мольба:
«Ах, только не было бы града:
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!»

П О Э М Ы

Павел Антокольский

*

В ПЕРЕУЛКЕ ЗА АРБАТОМ

(Из поэмы)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тебе, Москва, пережитое
За полстолетья отдаю.
Перед тобой без шапки стоя,
Слагаю летопись мою.
Я знаю счастье и несчастье,
Дни праздников и годы гроз.
Я был их незаметной частью
И только этим жил и рос.
Войди хозяйкой в эти строки
И услышать мне помоги
На дальней жизненной дороге
Самой истории шаги.
Скажи, что явственно, что смутно,
Что жизнью дышит, что мертво;
Будь мне и песнею попутной
И правдой века моего.
Вчера и завтра ты сдружила,
Но дружба — это тоже спор:
Тут глубоко змеится жила,
Там широко открыт простор.
Ушел в глубинный грунт геолог.
Взошел строитель на леса.

И дальше, дальше в путь. Он долог.
Сейчас он только начался.
Москва! Ты помнишь рев орудий,
Нацеленных на юнкеров,
Шаг патрулей в ночном безлюдье,
Огонь малиновых костров.
Так выйдем вместе за ворота,
Пускай посмотрит нам в глаза
Октябрьского переворота
Животворящая гроза!
Пускай метет осенний ветер
Листву на улице пустой,
Пускай никто нам не ответил
И даже не окликнул: «Стой!»
Всмотрись, Москва! Вон тот с вокзала
Бредет куда глаза глядят.
Что ж ты пришельца не узнала?
Он твой строитель и солдат.

Так слушай! Где-то рос парнишка
У бедной матери в избе.
Лишь трехкопеечная книжка
Ему сказала о тебе.
В той книжке мало было толку:
Царь-колокол да буки-аз...
Но детство не дремало долго,
Оно и не смыкало глаз.
Оно старалось в даль вглядеться.
И разглядеть Москву во сне,—
То смуглое, босое детство,
Вдруг повзрослевшее к весне.
Но мать-солдатка не смогла бы
Зеленый выходить росток.
И не расцвел бы цветик слабый:
В ту пору климат был жесток.
И земский врач не дал бы хины

и процедил бы, морща нос:
«Кончины детские стихийны,
Да-с, тут бороться мудрено-с!»
И сельский поп, на отпеванье
Смирено господу моля,
Провозгласил бы, что для Вани
Легка, как пух, сыра земля...

Так быть могло. Но по-другому
Сложилась детская весна!
Уже тыщеголосый гомон
Будил губернию от сна.
Уже дороги запылили
От сотен яловых сапог.
Уже и пушки запалили
На перепутье двух эпох.
Уже в осеннем лютном ветре
Во весь разгон, во весь размах
На каждом новом километре,
В сырых лощинах, на холмах
Сияли буквы красным цветом,
Написанные от руки.
Призывный клич: «Вся власть Советам!»
Был ясен с первой же строки.
Вся власть Советам!
Это значит:
В большой избе, где был трактир,
Гость-фронтовик переназначит
И переделает весь мир.

И мальчуган о том услышал,
И все решил проверить сам,
И в тот же день из дома вышел
Навстречу вольным голосам.
Вошел в Совет, сказал солдату:
«Хочу в Москву». Тот посмотрел,

Наверно вспомнил, что когда-то
Был сам таким же. «Ишь пострел!
Зачем в Москву?» — «Учиться». — «Важно!
Дойдешь?» — «Дойду». — «Один?» — «Ага».
«Видать, ты паренек отважный,
Хоть и не выше сапога.
А есть родня в Москве?» — «Откуда?!
Родных нигде нет у меня».
«Вот это, брат, конечно, худо!
Мы, впрочем, все теперь родня».

И, дела даром не мусоля,
Солдат отправил паренька,
Дал сухарей, щепотку соли
И молвил, кашлянув слегка:
«В Москве ребята есть дурные.
Ты с этих не бери пример.
Они наследье тирании,
А ты ре-во-лю-ци-о-нер!»
Он отчеканил с выраженьем
Все шесть слогов на шесть борозд
И, как штабист перед сраженьем,
Встал у стола во весь свой рост.

А мальчуган десятилетний,
Суров, отважен, одинок,
Не первый путник, не последний,
Дал ходу, не жалеет ног.
«Где, тетя, станция?» — «Эй, милый!
Верст почитай что двадцать пять».
Хозяйка щами накормила,
На сеновал пустила спать.
А утром двинулись навстречу
Поля, дышавшие весной.
Встречались люди с бойкой речью,
Не деревенской, разбитной.

На станции — народу пекло,
Черно и грязно, как в хлеву.
«Шесть сорок пять, — прочел он бегло, —
Прямой почтовый на Москву».
Что ж, до рассвета ждать недолго.
И где-то на вторых путях
Он влез в вагон на третью полку.
А все дальнейшее — пустяк.
Сухарик каменный ломая,
Смотрел в окно, считал ворон.

Двадцатый год. Начало мая.
Выходит мальчик на перрон.

Москва, Москва! Как ты заметишь
Его в вокзальной толкотне,
Каким пайком его ты встретишь
И поручишь какой родне?
Все удивительно ребенку:
Столбы, заборы и дома
За ним бросаются вдогонку.
А в трубах — дым. А в окнах — тьма.
Вот дом, как пасть, раскрыл ворота.
В том лают шавки. В третьем — звон.
Четвертый встал вполоборота:
«Катись, мол, попрошайка, вон!»
И всюду камень, камень, камень.
И все в пыли. И все в дыму.
Но тянется из грязных ямин
Травинка чахлая к нему.
Да что дружить с травинкой чахлой!
Затоптана, исчезла с глаз.
Но где-то вдруг ржаным запахло —
Вот это хуже во сто раз.
Смеркается. Безлюдно, звездно.
Зажглись окошки. Кончен день.

Всмотрись, Москва, пока не поздно,
Окликни маленькую тень!
Бежит парнишка, еле дышит.
Закрапал дождик. Гуще мгла.

И вдруг смолою жарко дышит
Из проржавевшего котла.
В котле, как черти черномазы,
Семь мальчиков сидят кружком,
Друг другу страшные рассказы
Рассказывают шепотком.
«Лезь ночевать! За вход не спросим.
Живем без крыши, да семья.
Семь плюс один выходит восемь.
Картошка — наша, соль — твоя».
Семь тощих ручек протянулись.
Семь пар настороженных глаз
Затеплились и улыгнулись.
И сразу дружба началась.
Он влез в котел и, как волчонок,
Глядел на сверстников своих,
На грязных, смелых и ученых,
И с робкой завистью притих.
И слушал страшную их повесть
Насчет базаров и облав,
С картошкой справился на совесть
И в крепкий сон упал стремглав.

Простился утром деловито.
Гость о себе не говорил,
Махнул рукою и для вида
Бычка свирепо закурил,
Откашлялся, расправил плечи,
Суров, отважен, одинок.
«Где, дядя, Кремль?» — «А недалече,
Сыпь, не сворачивай, сынок!»

Играет солнышко, расплавясь,
Скользит по струйкам водяным.
И за рекою Кремль-красавец
Внезапно вырос перед ним,
Совсем, как в сказке. Но не страшен,
Не древен видом, не тяжел.
И, поглядев на зубья башен,
Он храбро к стенам подошел.
Вот он, вихрастый и глазастый
В рубашке рваной мальчуган.
И кажется ему, что «здравствуй»
Сказала башня-великан.

А ветер флагами полощет.
Играют трубы впереди.
И вот выходит он на площадь
И очутился посреди
Бойцов и граждан. Шага за три,
Лишь поглядел из-за плеча,
Вздувает ветер на театре
Полотнища из кумача.
Вокруг — бушлаты, гимнастерки.
И все шумней, тесней, плотней...
А наверху летит четверка
Чугунных взмыленных коней!
Что за четверка, что за кони!
Не прозевай, гляди, лихач!
Сейчас рванутся — и в погоню
По крышам по московским вскачь!
Посторонитесь вправо, башни,
Левей шарахайся, пустырь!
Кто ж ими правит так бесстрашно,
Какой могучий богатырь?
И все, о чем мечтал он с детства,
Сбылось внезапно наяву.

Никак не мог он наглядеться
На ненаглядную Москву.
И под громадной круглой аркой
Застыл, как будто в камень врос.

Но тут его ладонью жаркой
Погладил бережно матрос.
«Где мамка?» — «Нету». — «Батька?» — «Нету.
Писали, без вести пропал».
«Видать, прошел насквозь планету.
Шел, не считал шагов и шпал!
Чай, утомился?» — «А нисколько!»
«Гостить приехал?» — «На всю жизнь!»
«Как звать тебя? Алешкой? Колькой?»
«Иваном». — «Ну, Иван, держись!»

И, приподняв парнишку, смаху
Усаживает на плечо.
«Садись в седло, гляди без страха!»
А тот не разобрал еще:
Что там волнуется, что блещет,
Что за сердце его берет,
Кому вся площадь рукоплещет...
Тогда матрос шагнул вперед.
Волнение пробежало искрой
В глазах, блеснуло на штыках.
Вот человек поднялся быстро,
Снял кепку, мнет ее в руках,
Слова горячие бросает
И каждым словом горячий
Сближает, держит, потрясает
Всех слушающих москвичей.

И взмах руки его, и слово,
Толпе врученное сполна,
И камни площади Свердлова
(Так будет площадь названа) —

Все это в сердце сохранится,
Невытравимое навек.
И через годы ту страницу
Отыщет взрослый человек.
И, от страницы поднимая
Глаза, увидит наяву:
Двадцатый год. Начало мая.
Впервые он пришел в Москву
И видел Ленина впервые.
И, память светлую храня,
Он скажет: годы мировые
Прошли не даром для меня!

«Сиди, не ерзай, слушай смирно!
А что не понял, не беда!»

Вдруг рядом грянуло: «...Всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право...»
И широко разросся хор.
Тогда матрос рукой корявой
Смахнул со лба лихой вихор
И подхватил припев. И снова
Гимн прокатился по Тверской.
От Моссовета до Страстного
Росло: «Воспрянет род людской...»

Они до Брестского вокзала
Прошли рука в руке вдвоем.
Ненадолго же их связала
Москва на митинге своем.
Коротким было расставанье,
Как полагается в пути:
«Не поминай нас лихом, Ваня!
Нам — воевать, тебе — расти».
И сунул мальчику краюху:

«Ломай. Когда-нибудь отдашь».
Тот сразу начал есть и глухо
Пробормотал: «А мне куда ж?»
«Все расскажу. Вот адрес точный.
Читай. Найдешь — входи смелей.
Там примут и накормят срочно.
Прощай, Ванюшка! Слез не лей!»

Заголосил гудок протяжно.
Прошли теплушки мимо глаз.
И в вышине вечерней влажной
Слезинка звездная зажглась.
И сразу тихо стало, скучно.
Он долго всматривался в тьму.
Какой-то малый равнодушно
Дал подзатыльника ему.
Он засопел, жалея очень,
Что слаб для драки. Но потом
Утерся и, сосредоточен,
Пошел с набитым хлебом ртом.
Достал матросскую записку,
Спросил у встречающих, где Арбат,
Услышал, что не очень близко,
Но даже этому был рад.
И, проблуждав по переулку,
Нашел ворота номер семь.

И сердце вдруг забилося гулко:
«Кто был ничем, тот станет всем!»

Константин Ваншенкин

*

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Поэма

1

Пурга мела старательно и долго.
Была равнина снежная бела.
В притихший дом рабочего поселка
Бумага похоронная пришла.

И комната всплыла легко и зыбко,
И лампа черным вспыхнула огнем.
И мать хотела крикнуть: «Здесь ошибка!
Не может быть! Ведь это не о нем!..»

Хотела крикнуть, но не закричала.
Взяв осторожно лампу со стола,
Средь комнаты в раздумье постояла
И тихо к фотографиям прошла.

Одна к одной — их целая витрина,
Полжизни на бревенчатой стене.
И мать глядела пристально на сына...

Все это было смутно, как во сне.

Потом сидела, не меняя позы,
Рукою по клеенке проводя;
Как в этот миг нужны ей были слезы!
Но тем и страшен зной, что нет дождя.

Она сидела, странно цепenea,
Еще не понимая ничего.
А сын стоял веселый перед нею,
И мать всю ночь глядела на него.

Она его на бой благословляла...
А нынче, сидя около стола,
То маленьким, то взрослым представляла
И лишь представить мертвым не могла...

2

Кто жил в глуши, где тишина лесная,
Где дали неоглядно широки,
Где шум ветров, тот, несомненно, знает,
Что значат здесь фабричные гудки.

В Москве они заслонены обычно
Домами небывалой высоты,
В Москве их слышать людям непривычно
Средь деловой веселой суеты.

А здесь они гуляют на свободе.
В домах встают по первому гудку,
Второй слышав, из дому выходят,
По третьему — становятся к станку.

И в это утро чисто и знакомо
Летел, звучал над крышами гудок.
Он звал ее. И вышла мать из дома.
Уже не спал рабочий городок.

Как девочка, что осенью голодной
Пришла сюда из дальнего села,
Вот так же в цех вошла она сегодня
И мастеру бумагу подала.

И он, друг мужа, глянул
и, бледнея,
Вернув бумагу, замер у окна.
Беспомощный стоял он перед нею...
Но снова не заплакала она.

Слова обыкновенные ничтожны —
Мы это научились понимать.
В молчании сурово и тревожно
Стояли все, боясь взглянуть на мать.

Но кто-то вдруг, шагнув из полумрака,
Стал говорить о том, что вот к одним
Пришла сперва такая же бумага,
А сын был жив и даже невредим.

Он был в тылу врага и партизанил
И получил награду не одну...
Таких историй, песен и сказаний
Мы слышали немало за войну.

...А в этот миг под сводом застекленным,
Взломав молчанья тяжкого ледок,
Как звук трубы над спящим батальоном,
Взлетел протяжный, рвущийся гудок.

Он хрипло звал в далекий край победы,
Напоминал — дорога нелегка...
Усталые склонялись военпреды ¹,
Почти не покидая ОТК ².

¹ Военные представители на заводе.

² Отдел технического контроля.

Был перерыв. Безмолвно, как немая,
Стояла мать в пролете у окна.
Смотрела, ничего не понимая...
И Ньюру вдруг увидела она.

Она давно слыхала это имя:
Его упоминали всякий раз,
Когда, с друзьями встретившись своими,
Сын умолкал, на стол облокотясь.

Тут начиналось: «Есть такая — Ньюра...»
«Ты что, не объяснился до сих пор?..»
А сын краснел, отмахиваясь хмуро:
«Давайте кончим этот разговор!..»

Но в серый день — минувшею зимою,
Когда шумел запруженный вокзал,
Сперва простившись с матерью родною,
Он девушку при всех поцеловал.

И хоть была суровою разлука
И предстоял солдатам дальний путь,
Она и мать успели друг на друга
Тайком, как могут женщины, взглянуть.

И мать тогда взглянула суховато,
Как будто чем обидели ее,
А девушка — немного виновато,
Но сохранив достоинство свое.

...А поезд шел размашисто и круто,
Белесый дым исчез уже вдали.
Они еще стояли... Почему-то
Друг к другу там они не подошли.

А нынче словно кто-то взял за плечи,
И подтолкнул, и вымолвил: «Иди!»
Мать поспешила девушке навстречу,
Удары сердца чувствуя в груди.

И та навстречу двинулась неловко,
Пошла быстрее, стараясь не бежать,
Застегивая синюю спецовку
И глядя умоляюще на мать.

Мать замерла, не в силах сделать шага,
Сказать хотела что-то — не смогла,
Хотела вынуть страшную бумагу —
Не вынула, а Ньюру обняла.

И, не пытаясь отойти в сторонку,
А тут же, на проходе, у окна,
Увидев, как заплакала девчонка,
Впервые зарыдала и она.

3

Как все сложилось горестно и странно!
Входить бы ей впервые в этот дом
Под перебор веселого баяна,
Шутя, смеясь... Но тихо все кругом.

И, встреченная чуткой тишиною,
Она вошла с поникшей головой;
В свой век еще не ставшая женою,
Она отныне сделалась вдовой.

Она стояла — бывшая невеста:
Что это я? Не плачу ли опять?
Для слез найти другое можно место,
Другое время можно подыскать

И вот уже, серьезно сдвинув брови,
Как будто мужа добрая жена,
Хотевшая понравиться свекрови,
Все прибирала в комнате она.

А через час они уже глядели,
Как за окном кружится синий снег,
И пили чай. Посмотришь, в самом деле
Как будто вместе жили целый век.

Их горе небывалое сплотило,
Оно объединило их в пути.
...И каждый день к ней Нюра приходила,—
А разве можно было не прийти?

Вприкуску выпив жиденького чаю,
Они садились вместе на кровать.
Мела метель, дубы в саду качая,
И Нюра оставалась ночевать.

А как-то раз сказала мать со вздохом,
Рукою проводя по седине:
«Слыхала я, что в общежитье плохо.
Перебиралась, право бы, ко мне...»

Иль правда в общежитье было худо,
Иль что другое этому виной,
Но только Нюра впрямь ушла оттуда,
Перебралась в ближайший выходной.

Гудел, и шел, и бился возле входа
Буря. И не хотелось говорить.
Мать думала: вернется сын с похода —
Как станет он ее благодарить...

Для них теперь все общим в жизни было —
Одна и та же радость и тоска.
Ведь каждая из них его любила
И тем уже другой была близка.

Зима кончалась. Вешний тонкий запах
Струился вслед ликующим лучам.
А фронт все дальше двигался на запад,
Уже светились окна по ночам.

Уже затихли зимние метели,
И под наплывом вешнего тепла
Снега сошли, сосульки облетели,
Земля чего-то нового ждала.

И льдины вниз прошли поодиночке;
Бурля, текли ручьи во все концы,
И крохотные дерзкие листочки
Наружу пробивались, как птенцы.

И день настал... До памятного года
Он был обычным, незаметным днем,
А стал великим праздником народа,
Веками будет память жить о нем.

И день настал. Вослед за Первым маем
Весеннее девятое число
Под гром стволов, что длился, нескончаем,
Знаменами победы расцвело.

...А мать ждала и слушала в волненье:
Приехал тот, вернулся тот и тот...
И вдруг явилось страшное сомненье:
Что, если вправду мальчик не придет?

...Нет, никому такое не под силу.
Пойми, что бесполезно стало ждать!
Но мать ждала. А что ей делать было?
На то она, наверное, и мать.

И в каждом взгляде, в каждом робком жесте
Сквозило ожидание одно.
Они, как прежде, жили с Нюрой вместе;
Казалось, так навеки решено.

В июле Нюра ездила два раза
На совещанья в город областной.
Мать выслушала Нюрины рассказы
Без интереса, словно стороной.

Все Нюра ловко делала, умело,
И, приглядысь внимательнее, мать
Заметила, что та похорошела,
И это стало глухо раздражать...

...Был тихий вечер на исходе лета.
Спокойно у раскрытого окна
Сидела мать, не зажигая света.
Светила ярко полная луна.

И вдруг вдали возникли две фигуры.
Шли под руку вдоль спящих тополей.
Вгляделась мать и угадала Нюру,
А рядом с ней... Но кто же рядом с ней?..

И на одно короткое мгновенье,
Как молния, в мозгу мелькнуло: «Он!...»
И мать привстала, напрягая зренье...
Но темнота ползла со всех сторон.

Опять луна равнину осветила.
И каждым нервом чувствовала мать.
Как Нюра что-то нежно говорила,
Не разрешая дальше провожать.

Вот попрощалась за руку... Не сразу,
Оглядываясь, медленно пошла...
Что ей сказать? Найти какую фразу?
И мать застыла около стола.

Так, словно что-то вдруг соображая,
Сидела мать, не подымая глаз:
«Откуда эта женщина чужая?..»

И обе промолчали в этот раз.

Но час пробил, когда, дыша неровно,
Шагнула Нюра прямо к рубежу,
Сказав: «Простите, Ксения Петровна,
Но только я... я замуж выхожу...»

Сказала и заплакала, как будто
Пришел один из самых горьких дней.
Такие слезы — ровно на минуту, —
Нет, мать не стала плакать вместе с ней.

А плача ночью, думала сурово:
«Пожалуй, песня старая верна,
Что, мол, жена найдет себе другого...
Но, впрочем, Нюрка даже не жена...»

То вдруг по-детски думала серьезно:
Вернется сын, быть может, в этот год,
Спохватится она, да будет поздно,
А сын себе красавицу возьмет...

Рассвет вставал, томителен и долог,
И было все наполнено тоской...
А Нюрин муж — слыхала мать — геолог,
Ну, в общем человек не заводской...

5

Цвели цветы. Светило солнце ясно.
Росли дома — за новым домом дом.
Но мать смотрела как-то безучастно
На все происходящее кругом.

Вновь по гудку вставала ранней ранью,
Шла на работу, как заведено,
И посещала общие собрания,
А иногда смотрела и кино.

Порой гулять ходила и к знакомым
И наводила в комнате уют.
Но дом ее — он стал печальным домом,
Где больше никого уже не ждут.

Придешь домой, и — вольно иль невольно —
К тебе воспоминания опять.
И так от них безрадостно и больно,
Что хочется из дома убежать.

Но это можно — убежать из дома, —
Куда бежать от горя своего?
Три раза приходили из завкома —
Хотят узнать, не нужно ли чего.

А что ей нужно? Ничего не нужно!
Она сидит и вздрагивает вдруг
И, вновь забывшись, смотрит равнодушно
На все происходящее вокруг...

Ее послали в лучший санаторий,
Хоть не хотела этого она.
И вот пред ней, шумя, предстало море,
Плеснула в берег звонкая волна.

И пляжи ей понравились сначала
И водяная острая пыльца.
Прошла неделя — мать уже скучала
И еле досидела до конца.

И поезд шел, соперничая с тенью,
Бегущей рядом, около колес...
И вдруг возникло скрытое волненье,
Неясное и сладкое до слез.

Скорей, скорей! Ей тягостно в вагоне!
И вырос пред глазами городок.
Стоял дежурный на пустом перроне,
И ровно плыл над городом гудок.

Он плыл и плыл, подхвачен гулким эхом,
Минуя Дом культуры и вокзал.
И все цвело... Когда бы сын приехал,
Наверно, городка бы не узнал.

В росе горели солнечные блески,
А возле новой школы, под горой,
Росли беспечно юные березки
С еще не побелевшею корой.

Клубился пар, и высыхали крыши.
Бежали дети в школу налегке.
А солнце поднималось выше, выше,
И радио звучало вдалеке.

И выступали, веря в правду свято,
Борясь за счастье Родины своей,
Поэты, ветераны, дипломаты
И матери погибших сыновей.

6

Прошло три года... Не было в помине
Войны... А мать на пенсии уже.
Она все чаще думала о сыне
Не как о взрослом — как о малыше.

Гуляя в парке, на детей смотрела
И думала: «Таким же был и мой...»
Вот и сейчас увидела пострела,
Он упирался — не хотел домой.

И Ксения Петровна улыбнулась,
А мальчик засмеялся ей в ответ.
Мать мальчика случайно обернулась
И замерла... Подумать, сколько лет!

Мать подошла: «Скажите-ка на милость!
Да, столько лет прошло уже с войны,
А ты не очень, Нюра, изменилась...»
И были обе чем-то смущены.

«Как муж?»
«Спасибо. Он сейчас в отъезде.
Домой к зиме вернется, как всегда...»
«Живете где?»
«Живем на новом месте —
В том сером доме, в центре, у пруда...»

А что еще сказать друг другу надо?
Неужто все? Да, женщины молчат...

210

И вдруг они увидели солдата,
По солнечному парку шел солдат.

Он шел из увольнения, наверно,
Он шел среди колясок и детей,
Руками в такт покачивая мерно,
Гордясь отличной выправкой своей.

Он шел среди великого покоя,
Ему от силы было двадцать лет.
Он шел, довольный жизнью и собою.
Он уходил... Они глядели вслед...

Потом переглянулись... Ранней ранью
Гудит гудок — навек прощай, покой!
И хлынули на них воспоминанья
Огромною бегущею рекой.
Гудит гудок... Тревожно на заводе...
Идут войска по улице... Война.
Гудит гудок... Две женщины в пролете,
Обнявшись, тихо плачут у окна.
Метет метель, дубы в саду качая,
Свистит метель, поет всю ночь подряд.
Вприкуску выпив жиденького чаю,
Две женщины, задумавшись, сидят...

...А на песке дрожали веток тени.
Две матери сидели не дыша.
Малыш взобрался к старшей на колени,
И мать поцеловала малыша.

14*

Семен Кирсанов

*

ВЕРШИНА

(Из поэмы)

Не прерывавшийся
и вздохом даже,
рассказ товарища
нас вел по кряжу:

«Снега твердели,
кололись иглами,
к концу недели
уже достигли мы
исходной точки
для штурма Пика.

Вокруг так дико!

Лед там не тает
зелено-серый,
цифр не хватает
высотомеру.

Прибором зрительным
мы
приблизительно определили:
семь с половиною
тысяч метров.

Конец
идиллии.
Свирепость ветра
с рычаньем лвиным:
«Не дать дорогу!»
И ставишь ногу
лишь вполвину —
спугнешь лавину...

Цвет неба
синий
все интенсивней.
Все строже
стражи
седой природы.
Отвесней
скалы.
Идешь усталый,
нет кислорода.
И горло настезь,
и гнутся спины.

И все же
жаждешь
достичь вершины.

Был Акбулаков
душой отряда,
его отрада —
чтоб злей преграда,
чтоб неприступней,
отвесней,
круче!
Лезть в высоту к ней —
ему
тем лучше!

К труднейшим скалам
он мог

увлечь нас.
Он придавал им
жизнь,
человечность...

Мы шли в огромных
туманных кольцах
в двух центрах неба.
И кровь сочилась
из носа часто.
В четверг
случилось у нас несчастье.
Ослеп товарищ.
Он шел
без темных очков
при солнце
и блеске снега...
Его начальник
отправил в лагерь.
Пример печальный
пустой отваги!

И нас осталось
всего четыре.
Как нам досталось
в вершинном мире!
Друг к другу жмемся
под снежным вихрем,
ждем-
не дождемся,
когда утихнет.
Дождались.
Утро.
Мир тих и светел.

Смирился ветер.
А горы дремлют
в подушках снега.
Их будит эхо.
Проснулись.

Внемлют.
Мир ослепили.
Со мной вступили
в переговоры,
как духи в чуде:
«Вы кто?»
«Мы люди.
А вы?»
«Мы горы.
Вы к нам хотите?
Что ж,
подходите
и нас не бойтесь.
Но позаботьтесь,
чтоб был подарок.
А мы наставим
туманных арок,
сиять заставим...»

И наши взоры
высь оглянули.
И тут же
горы
нас обманули.
Наш старший —
Дорохов —
ступил неловко
на угол глыбы
и рухнул с ворохом
снежной ваты...

Мы виноваты?..
Мы б удержали,
 мы помогли бы,
но перетерлась
 его веревка.
И, сбросив тормоз,
снег
 вниз
 понесся
 за ним в погоню.
И там, в заносах,
он похоронен
 и не отыскан.
Мы тур сложили
и положили
 о нем записку:
«Прощай,
 товарищ,
Мы не отступим...»
И дальше —
 в горы
с неостывающим
 долгим горем...

А путь
 все круче
ведет по туче,
 подобной стаду
 горбатых яков.
(«Пик недоступен!
Вернуться б лучше...»)
Но
 Акбулаков
ни слов не слышит,
 ни нас не видит;

он тем лишь дышит,
 что вот-вот выйдет
 к ней —
из-за гребня
 еще не видной,—
к палатке в небе
 трапецевидной.

Нет,
 не обратно!
Громада
 блеска
 в миллиард брильянтов
уже так близко!
Скрип
 снежной толщи.
Наш Пик все больше!
Снег
 солнцем плавится.
Боль в красных веках.
На этот белый,
 оледенелый покров Памира
след человека
 впервые ставится
 от Сотворенья Мира!

Шаг здесь неведом.
Снег
 здесь ни разу
не тронут следом.
Как больно глазу!
Опасно,
 круто.
А гребни будто
 вкруг нас сходились
 и отступали...

Мы не ступали,
нет,
мы трудились
над сложной, темной,
головоломной
задачей шага.
В ушах трубила
кровь
сонмом адским.
Шаг сделать —
было
трудом гигантским.
О, шаг!
Как труден,
как нужен людям
шаг этот
новый!
Как
со снежинок
поднять ботинок семипудовый?
Еще сегодня
была проста ведь
шагать наука!
И вот он поднят.
Вторая мука —
его поставить
на снег непрочный,
где вместо почвы
прикрыт, быть может,
край трещин, скважин?
Но, шаг!
Как важен
ты людям новым,

вперед
и дальше
идти готовым!

Насторожился
весь мир
бездонный,
высотно-синий.
И нам открылся
солнечно-снежный
шатер вершины.
На нем свободно
лежат
две складки,
как на походной
простой палатке.

Но всё!
Я первый
упал.
Обвисли
мышцы и нервы.
Спутались мысли.
Руками шарить...

Вторым товарищ
упал,
заплакав.

Лишь Акбулаков
ползет на гребень,
последний в небе.
Он верит.
Знает.

Он в фирн вонзает
сталь
 ледоруба
и кошек зубья.
Согнувшись низко,
 он подползает
к вершине близкой.

Все в мире слепнет
от солнца
 в белых протуберанцах!
Но —
 шаг последний!
Приподыматься
 он начал,
 словно
 больной,
и снова
 встал во весь рост он...

И вдруг,
 мгновенно
все стало просто, обыкновенно,
как акт приемки
 работы сданной.
Следы
 по кромке
в мир первозданный.
Их на рассвете
 обдунет ветер
и вновь бесследно
затянет снегом.

С какой оценкой
тот шаг
 опишем?

Еще ступенькой
на свете
 выше.
На метр,
 но шире
всей жизни видимость,
и лучше
 в мире
нельзя и выдумать!
Пусть
 след стирается,
пусть засыпается;
зато увиденный
мир удивительный
вдаль
 простирается,
вновь расступается.

Вот знамя врыто.
Зарею греется
 гряда суровая.
И вот с открытой
уже виднеется
 в студеном небе
 вершина новая.
Скорее к ней бы!

И мы увидели,
 как, встав на гребень,
тень победителя
легла на небо
 всего Памира.
Гигантским галло
ее подняло.

Собой полмира
она покрыла
и повторила
взмах ледоруба
как жест всемирный.

А к нам,
по фирну,
найдя дорогу,
в наш след вступая,
вся наша группа
шла на подмогу.

И песня пелась
про жизнь
и смелость...»

Константин Симонов

*

ИВАН ДА МАРЬЯ

Поэма

1

Дорогая Марья Петровна!
Тридцать лет я вас помню ровно,
С того детского далека,
С того самого незабвенного,
В бывшем монастыре,
Военного дивизионного городка,
Где ваш муж служил — компульроты,
А отец мой — помкомполка,
Где вы слыли первой красавицей
В общежитии начсостава
И где я, позвольте представиться,
Жил в соседней келье, направо,
С мамой, с папой, в маленькой комнате,
Долговязый такой — не помните?

Вы казались мне очень старой
В мои девять тогдашних лет.
Вы любили петь под гитару,
Засмотревшись на лунный свет;
И, в то время уже седая,
Моя мама отцу шептала:

— Хорошо поет, молодая...—
И зачем-то тихо вздыхала.

А наутро вы с нею вместе
Гимнастерки мужьям стирали,
И займы то ступку и пестик,
То машинку швейную брали,
Обсуждали в полку события:
— Кто получит к Маю комбата? —
И в подшефный детдом, к открытию,
Шили байковые халаты...

А всего вам, Марья Петровна,
Было двадцать четыре ровно,
И Иван Степанычу тоже —
Вы его на месяц моложе.

На Херсонщине под Каховкой,
В январе двадцатого года
Приглянулся он вам — комвзвода:
Невысокий, поджарый, ловкий,
Над губою усы, как стрелки,
И глаза с татарской косинкой,
И рука на черной косынке —
Пулей ранена в перестрелке.

Вас не сватали, не венчали,
Все решилось в одну неделю.
Но, недолго думав вначале,
Вы всю жизнь потом не жалели.

В злую зиму, пригрев как птаху,
Муж возил вас с собой по шляхам,
Все боясь: комиссар бригады
Разузнает — не даст пощады!

(Когда к вам теперь заезжает
Член Военного Совета,
Он с улыбкою вспоминает,
Как смотрел сквозь пальцы на это.)

Приходилось в году том грозном
Многим женам, да и невестам
Кочевать с бригадным обозом
По сожженным Махно уездам.

К лету, свыкшись с армейским бытом,
Научились вы без опаски
Делать раненым перевязки
И глаза закрывать убитым.

А под осень в случайной стычке,
Когда банды вас окружили,
Пулю в лоб махновцу вlepили,
Лишь потом всплакнув с непривычки.

Но зато и губ не разжали,
Чтоб не слушали, не глядели,
Когда сына в ту ночь рожали
Раньше срока на три недели.

Так с похода, с солдатской каши,
С пули в лоб бандиту — не струся,
Началось замужество ваше,
Материнство ваше, Маруся!
(Так вас ласково, глядя на ночь,
Называет Иван Степаныч;
А вы на людях — всё Иваном,
А одна, без людей, — коханым.)

И сейчас вот сидим мы с вами,
Перебрасываемся словами
В том немецком городе Коттбус,
Где Иван Степаныча корпус.

На тарелку, как гостю званому,
Вы кладете мне все подряд,
А сама — нет-нет — на коханого
Да и кинете быстрый взгляд...

Он, пройдя через все сражения,
Седоватый стал, грузноватый,
Может быть, по чьему-то мнению,
Даже «трошки пидстарковатый»;
Ну, а вам, хоть вся жизнь с ним вместе,
Все он кажется — как невесте...
Может быть, потому так кажется,
Что не с тихих дней, не с лазури —
Начиналась жизнь прямо с бури,
Ну, а в бурю узлы крепче вяжутся!

Было всякое в жизни этой,
Было счастье ближе и дальше,
Но, как в песне, на совесть спетой,
Одного в ней не было — фальши.

2

После юности первых взлетов
Показалась вам наказаньем
Строевая его работа,
Гарнизонная жизнь в Рязани.
Чуть рассвет — шел к себе в пультоту,
Приходил угрюм, озабочен...
Обожал свои пулеметы,
А жену, как видно, не очень...
Вы пожаловались несмело —
А его, как плетью, огрело!

Вместо вами стыдливо жданной
Ласки: «Что ты, милая, глупая!..» —
«Собирай, — сказал, — чемоданы!» —
И ушел, сапогами хрупая.

Чуть тогда вы с ним не расстались.
Но поплакали — и остались.
Догадались — не разлюбил он,
Просто слишком самолюбивый,
Хоть имеет два «Красных Знамени» —
Храбрость храбростью, знания знаниями!
Приласкал бы, да нету часа, —
За душою всего два класса.
Как вернется, так вечер целый
Чертит, чертит на схемах стрелы;
Схемы разные, стрелы разные,
А глаза всю неделю красные.

Даже вы, бывало, раз нужно,
Прикусив язык, не дыша,
Обводили те стрелы мужние
Тушью после карандаша.

Кое-кто сомневался — где ему!
Но у мужа характер твердый:
Трижды резался в академию —
Все же выдержал на четвертый;
Это было в тот месяц самый,
Когда дочка родилась ваша,
И Иван Степаныч — упрямый —
В вашу честь назвал ее Машей.

И вам стало жаль, что в двадцатом,
Когда первенца вы рожали,
То зачем-то грозно Маратом,
А не Ваней его назвали.

Академия, академия!
Горы книг, до утра сидения,
Для мужей на всю жизнь наука,
А для жен — по мукам хождение,—
Легче бы уж просто разлука!

Выпуск, праздник! Вдвоем — по Волге.
В Сочи — месяц! В Крыму — неделя!
Отдыхали так, чтоб надолго,
Словно в воду оба глядели.

Как вернулись — пошло-поехало,—
Назначения, перемещения...
И винить-то, главное, некого —
Не попросит никто прощения!

Не родные вас замуж выдали —
Вы судьбу себе сами выбрали:
Жизнь не райскую и не адскую,
Посредине как раз — солдатскую.

Где вы только с ним не служили,
За собой детей перетаскивая!
Все места показать, где жили,—
Надо ж карте вставить с указкою.
Под Чимкентом в тифу лежали,
Под Читой в третий раз рожали...
Умер сын... То ли врач был молод,
То ли в сопках — под сорок холод,
То ли тряской была дорога...
Сами выжили — слава богу!
Целый месяц, пока лечили,
Ждали, что доктора присудят,
И свой приговор получили:
Двое есть, а больше не будет.

К той поре уж вы постепенно
От себя все реже скрывали,
Что особые перемены
В вашей жизни будут едва ли
И что, странствуя по Союзу
Всей семьей по военным литерам,
Вам уже не закончить вуза
И заочно даже не вытянуть,
Уж не стать той, себе обещанной
В двадцать лет, идеальной женщиной,
Что вам в жизни порой встречаются,
А у вас вот не получается...

Говорят, неглупая, умная,
Говорят, на подъем легка...
А не все, что в двадцать задумано,
Исполняется к сорока.

Словно плот по течению тащит —
Переезды, семья, детишки...
И бывает так много чаще,
Чем в прочитанных вами книжках.

Да, вы высших школ не кончали,
Но прошли, несмотря на это,
Свои радости и печали —
Свои собственные университеты.

Не одним стиральным, обеденным,
Вековым наукам домашним,—
Научились вы сердцеведением,
Жизнь прожив рядом с мужем вашим.
И когда в боевой готовности
Полк годами стоял в глуши,
Вы такие знали подробности —
Чем мы плохи и хороши,

Вы такие характеры видывали
Во всей слабости их и силе,
Что писатели бы позавидовали,
Поделиться бы попросили!

И давно уж не вы к кому-то
Шли свои утолять печали,—
Вам, в слезах прибежав под утро,
Горе женщины поверяли,
Чтоб решили, чтоб рассудили,
Потому что для них вы были
Не полковничьею женою,
Просто так — при нем путешественницей,
А то другом их, то судьбою,
Тем, что люди зовут общественницей.

Слово это как будто скромное,
Вроде даже чуточку детское,
А как вдумаешься — огромное,
Ростом в целую власть советскую.

В самых дальних из гарнизонов
Пояса из огня, из стали
Помогали нам строить жены,—
Слово это не даром знали!
Жили так, чтоб семья без трещин,
И в бетоне нашей границы
Есть их молодости отцветшей
Принесенные в дар частицы.
Есть заложенные в основание,
Кроме цемента и песка,
Неисполненные желанья,
Неиспользованные отпуска,
Ненадежные по году,
Потому что случая нет,
Платя, вышедшие из моды,
К свадьбе сшитые в двадцать лет.

И другие жертвы не меньше,
Что не только до тридцати,
Что и в сорок — не просто женщине
Мужу, родине принести.

Вы простите, что так подробно;
Ставлю точку. Больше не будем...
Но об этом, Марья Петровна,
Тоже знать не мешает людям.

Ничего, не машите руками,
И у вас ведь сердце не камень!

3

Всё на том же Востоке Дальнем,
Но уже не в Чите, в Посьете,
Вы встречали деньком печальным
Вашей свадьбы двадцатилетье.

Муж на зимнем выходе в поле,
Сын в Рязани в пехотной школе,
Все в отъездах, в разъездах, заняты!
Даже дочь не дома. И пусть!
Это только у вас на памяти
Дни их праздников наизусть.

Так за все двадцать лет взгрустнулось,
Словно сердце перевернулось.
Походили пустыней комнат —
Неужели так и не вспомнят?
Стали к зеркалу, погляделись —
Вот и первый седой ваш волос...
Спеть попробовали — не пелось,
В пустоте этих комнат, голос
Был, как в поле несжатый колос....

И такая к себе вдруг жалость,
Словно к брошенной, незаконной!
Разрыдались бы, не удержались,
Если б не звонок телефонный!

В трубке голос зимний, хрипатый,
С промежуточной, в поле чистом,
Незнакомый голос солдата —
Полкового телефониста:

— Командир дивизии просит
Передать его поздравления
И, что явится к вам, доносит,
Прямо с марша, без промедления.
Если ж в ноль часов он не будет,
Просит сутки продлить до завтра...

Что вы, Марья Петровна? Будет!
Будет с трубкой сидеть в слезах-то!

Вы же знали, что позвонит он,
Хоть вот так, хоть через солдата,
Вы же знали, что лишь на вид он
Невнимательный, грубоватый,
И что вовсе не безответно
Столько лет в нем души не чаете.
Или это вам незаметно?
Что лукавите, не отвечаете?

И сейчас вот, меня в гостиной
Одного подымить оставив,
По аллее немецкой длинной
Слева, под руку, как в уставе,
Он ведет вас, чтоб не устали.

Что-то на ухо вам толкует
И, не видя, что я вас вижу,
Притянув за локоть поближе,
Неожиданно вас целует,
За мгновение перед этим
Глазом вправо стрельнув и влево,
Словно вы с ним — седые дети
И боитесь чьего-то гнева.

Вы смеетесь — отсюда слышу,
А потом о чем-то серьезном...
А потом голоса все тише
Под прозрачным, еще беззвездным,
Под чужим и далеким небом,
Под которым с войны я не был.

Вечер. Мира восьмое лето.
На аллее два силуэта...

4

Час вечерний — время особое,
Когда, за день сойдясь заранее,
Нас толпою злые и добрые
Обступают воспоминания:
Эшелона дымные полки,
Первый бой, что до слез несладок,
Бомбы — в раненых, на двуколке!
Первый ненависти припадок.

Первый хриплый свисток атаки,
Немец, навзничь вскинувший руки,
В штопор скрученные бензобаки,
Снег, пожарище, труп старухи.

На воде шипенье осколков,
Сталинградская переправа.
Голос, помнящийся мне долго:
— Ты — налево, а я — направо, —
И обнявший меня за шею,
На плече навсегда уснувший
Друг, минуту назад в траншее
Только шагом правой шагнувший.

Под крылом, партизанской ночью,
Фонарями — тире и точки,
И, на случай ошибки, в клочья
Писем порванные листочки.
И опять дороги, стоянки,
Самолетов связных болтанки,
Молотящие, с ревом длинным,
Марсианских калибров пушки,
И рассвет.

И с лесной опушки
Дым и зарево над Берлином.

Ну, а вам про что вспоминается
В этот вечер, Марья Петровна?
— Тот июнь, где все начинается...
Муж назначен приказом в Ровно
Принимать дивизию срочно
И лететь пока без семьи.
— Жаль, привык здесь, дальневосточник,
Ну, да ладно — всюду свои! —
Поцелуй на аэродроме...
А с утра — начало войны.
Кто поймет до конца вас, кроме
Командирской, как вы, жены?

Жить при нем часовым бессонным,
Кочевать с ним по гарнизонам,

По медвежьим углам недобрым,
По учениям да по маневрам.
Жизнь прожить, как рука с рукою.
А когда война началась,
Что за горькое горе такое —
Без него вы, а он без вас.

Хуже нету этого худа:
Слушать, слушать каждую ночь
Лишь обрывки вестей оттуда,
Где ничем ему не помочь,
Где ваш муж, считая бесчестьем
Без приказа выйти из боя,
Лег с дивизией своей вместе,
Киев загородив собою.
Вам про смерть его написали
Двое тех, что к своим попали,
Как до смерти его не бросали,
Даже как могилу копали.

Так в подробностях всех жестокости
Были эти солгавшие двое,
Что вы там, на Дальнем Востоке,
Еще долго жили вдовою.

А что всё же его увидели,
Сам несколько не виноват он.
Виноваты в этом солдаты,
Что присягу не зря давали,
Что тащили на плащ-палатке
Полумертвого командира,
Да тот фельдшер, что клал заплатки
На пробитые в теле дыры,
Да ночами небо безлунное,
Да здоровье его чуждое.

На Урале, на полдороге,
 Было первое ваше свидание.
 Десять суток в пути, в тревоге,
 Ко всему готовясь заранее,
 Торопясь, тесемки халата
 Оборвав в приемном покое,
 Вы бегом вбежали в палату,
 Чтоб увидеть, что с ним такое?
 На какие-то полсекунды
 Показалось почти обидным,
 Как он встретил на ласку скудно,
 Как вам руку пожал обыденно.

Усадил у себя на койке —
 Побледневший, одутловатый.
 Все шутил про свои осколки,
 Что уже разыскали пятый,
 А шестого — по донесениям, —
 Как ни роют — никак не выроют,
 И приходится — нет спасения —
 Ждать, пока всего разминируют.

Но внезапно будто сломалась
 Им придуманная броня.
 — Э, да ты поседела малость...
 Скоро, мать, обгонишь меня!

Вы сидели рядом, молчали,
 Долго руку в руке держали
 И глядели ему в глаза —
 В глубине их жила слеза;

Не растроганная, а страшная,
 Ледяная, расплаты ждавшая
 За разгром и гибель вчерашнюю,
 За дивизию, мертвой павшую..

(Ту слезу, за четыре года
 Не пролив ее ни при ком,
 Лишь в Берлине, в конце похода,
 Муж ваш с глаз сдерет кулаком!)

Вы сидели рядом и знали,
 Он вас любит и рад вас видеть,
 Но из госпиталя, как выйдет,
 Он домой заедет едва ли.
 Он не каменный и не железный, —
 Но об этом с ним бесполезно.

Через месяц вы уезжали
 Двумя встречными поездами.
 Оба поезда опоздали,
 Вы с ним ждали в холодном зале.

Ждали, жали друг другу руки,
 Зная все и все же не зная,
 Что отмерено с ним разлуки,
 Вам теперь без конца, без края,
 Что вам три бесплодных года
 Будет помниться

с двух сторон
 Та свердловская непогода,
 Заметенный до плеч перрон,
 Снег, к летящим окнам прилипший,
 Рев гудка на последней фразе,
 Тот уральский день, разделивший
 Вас двоих, как Европу с Азией.

Десять дней потом напролет
Вы качались на верхней полке.
А в душе — будто битый лед,
Будто смерзшихся слез осколки.

Так хотелось поехать с ним,
С дорогим своим, золотым,
Мыть, стирать бы ему рубашки,
Промывать ему в ранах гной,
Не женою, — не те замашки, —
Санитаркой простою в строй.
Только чтобы с ним всюду рядом,
А убьют — так одним снарядом.

Не хотела просить — откажет:
Слава богу, характер знала.
Но к отъезду решила: скажет.
И в последнюю ночь сказала.
Сел, еще в бинтах, на кровати,
Стали ласковыми глаза.
Час молчал все, волосы глядя,
А потом отрезал: — Нельзя!
Досиди уж там, где сидела, —
Мне спокойней будет для дела. —
Ну, а дело его — война,
Значит, снова — молчи, жена!

Маша, доченька, мать встречала, —
Слезы радости на ресницах!
Не догадывалась, не знала,
Что на сердце у вас творится,
Что готова хоть завтра мать
Все — и дом и дочь — побросать
И уехать — была бы воля! —

В дальний край, где поет свинец,
Где в неведомо снежном поле
Насмерть бьется с врагом отец.

Собрала таких же солдаток,
Как сама, целый вечер пела,
И, как муж говорит, — «порядок», —
К утру сердце перекипело,
А какой осадок на дне —
Знать лишь мужу да вам — жене.

Письма, письма!

Безбожно долго
Вас на Дальний Восток везут.
Дымный след протянут над Волгой,
С толкачом на Урал вползут,
Под Тюменью застрянут где-то,
Под Читою влезут в тоннель
И дотащатся до Посьета
Хорошо как за пять недель.

От столов и до подоконников
Почта вечно полным-полна,
Из квадратов и треугольников
Заливает ее волна.
Под неслыханный здесь грохот пушек,
Торопясь, с утра до темна
Сортируют трое девчушек
То, что пишет домой война.

Но не могут, как ни наметаны,
Всё поспеть их глаза и руки, —
Штатом почты не предусмотрено
То, что целый народ в разлуке,

То, что как умирать ни больно,
Но, идя в атаку, чтоб жить,
Людам хочется в треугольник
Перед этим душу вложить.

Муж писал вам в неделю раз:
Жив. Здоров. Скучает по вас.
Сослуживцам привет. И дочке.
Все всегда на одном листочке.
С твердым росчерком, с точной датой —
Так, как пишет солдат солдату.

И, бывало, вам как лекарство,
Как от женских тревог спасенье
Это через все государство
К вам пришедшее донесенье.

Иногда, то реже, то часто,
Приходили письма от сына:
Про товарищей, про начальство,
Про последнюю кинокартину
И про то, что теперь уж точно —
Не задержит их ни черта! —
Они едут на фронт досрочно,
Весь их курс подал рапорт!

Над письмом его пригорюнясь,
Вы роняли слезы на скатерть, —
Как наивно боится юность,
Что войны на нее не хватит!

Машка — дочь, девчонка с косою,
Все сидит, уткнувшись в газету:
— Мама, сколько лет было Зое? —
И глаза отводит от света.

Мать все видит, все понимает:
Вот и эта спешит туда же
И сбежит еще, кто их знает...
— Не пушу, и не думай даже! —
Час обиженно промолчала,
А потом тихонько, упрямо:
— Мам, а мама, послушай, мама,
А ведь ты сама воевала!

Где-то вырыла с того света
Снимок ваш — в сапогах, в шинели —
И заставила спеть. И спели:
Как умрем мы за власть Советов!

За ночь снег напáдал до окон.
Дочь давно уж по-детски спит,
Только мать, подперевши щеку,
Все над карточкой той сидит.

8

А назавтра вдруг телеграмма:
«Едем в бой, до свиданья, мама!»

Вот и оба у вас на фронте...
День по комнатам проходили,
То одно, то другое тронете,
Даже и обед не варили...
Дочь пришла, в лицо посмотрела,
Молча ужин сама согрела...

Нет, вам с этой минуты мало
Тех забот, что раньше хватало:
Рынок, очередь в два квартала,
Приготовить да постирать,
Утром дочку в школу собрать,

Для нее, как себе бывало,
Платья старые перешить...
Хоть и занят весь день, а мало,
Нету права так дальше жить,
Когда сын за отцом вдогонку
Где-то едет в снегах, на фронт
И уносит его трехтонка
За кровавый тот горизонт.

Правда, кровь вы пять раз сдавали
И пойдете завтра в шестой,
Но такая помощь едва ли
Не казалась самой простой.

Кто из женщин в тот год суровый
Свою кровь для своих жалел?
А уж вам-то, такой здоровой,
Это делать сам бог велел!

Был бы госпиталь здесь — туда бы
Санитаркой или кухаркой,
Все, что делать умеют бабы,
Делать так, чтобы небу жарко!
Жалко, госпиталя здесь нет —
У границы стоит Посьет.

Десять служб обошли, пожалуй, —
Ни к одной душа не лежала.
Вам хотелось здесь, в тишине,
Службу выбрать ближе к войне.

Городская почта — домишко,
Где всего лишь месяц назад
Вы ругали девчат, что слишком
Долго письма у них лежат;

А теперь вот сидите сами
За конторкою у стола,
А сидевшая перед вами
Добровольно на фронт ушла.

Письма, письма!

Нет, хладнокровно
Разбирать их по адресам
Все три года, Марья Петровна,
Не хватало умения вам!

Как раскладывать по кварталам
Голоса всех живых и мертвых,
Что дошли, словно гул металла,
В треугольниках полустертых?

Только адрес есть на конверте, —
А в конвертах — жизни и смерти.

Если б знать вам, на почте тут же,
Что внутри там! Был в окруженье?
Жив? Нашелся? Ранен? Контужен?
Пал, по слухам, в первом сраженье?..
Слух, что умер, — взять не поверить,
Задержать, запросить, проверить.
Слух, что жив, — конверт отложив,
В телефон закричать, что жив!

Но приходит девочка в старых,
Сбитых набок маминых ботах
И берет всех судеб удары,
Радость чью-то и смерть кого-то.
И, сверяясь с книгой рассылной,
В сумке, от угла до угла,
Тащит весь тот груз непосильный,
Что ей за день война дала.

Как вы прожили те три года,
Бесконечных тысячу дней?
Вам казалась ваша работа
То всех легче, то всех трудней.

Потому казалась труднее,
Что с нее, как с большой горы,
Было горе людей виднее,
Всем невидное до поры.
Ну, а легче порой казалось,
Потому что двоих своих
Терпеливей в разлуке ждалось
Среди стольких разлук других.

Сколько слез людских за неделю,
Сколько жалоб, что нет письма...
Хорошо, что право имели
Им ответить: — Я жду сама.
— А у вас он где?

— Под Москвою.

— А у вас?

— У меня под Мгой.

(Промолчав, что у вас их двое
И не знаете, где другой.)
Сын служил в парашютно-десантных,
Был сегодня здесь,

завтра — там,—

Нет, отец его в адъютанты
Не пристраивал по фронтам,
Не искал ему мест потише,
Не укрыл от передовой.
Вот и вышло, что редко пишет
И рискует там головой.

Жило, спрятанное поглубже,
Как притоптанный уголек,

Что-то вроде упрека мужу:
«Мог бы, мог! А не поберег».
Но при этом прекрасно знали,—
Окажись они завтра дома,—
Не посмели б так, не сказали
Ни тому из них, ни другому!

После службы дома постыло
Вам, как многим в те годы, было.
Шли усталая, на ночь глядя,
Да и то лишь дочери ради.

Как умели, ее воспитывали,
Как могли накормить — кормили,
По субботам полы с ней мыли,
Чувства праздника не испытывая.

И под всем на вас легшим бременем,
С днями этими и ночами,
Не хватало порою времени
Тосковать, как раньше, вначале,
Даже тою злою тоскою,
Приходящей вдруг по ночам:
Что другие там под рукою
И что пятый десяток вам;
Письма — письмами, а разлука
Уж на годы счет повела...
Даже ревность — женская мука —
Редкой гостьей у вас была.
То ли слухов не доходило,
То ли думать противно было...

А ответить совсем уж точно —
Долгой ночью ли, долгим днем,
Не на этом сосредоточены
Были ваши мысли о нем.

На душе то лучше, то хуже,
Но под этим всем, в глубине,
Год за годом думы о муже
Были думами о войне.

И надежду, что минут беды,
Что ваш муж и сын будут живы,
Не на них одних,— на победу
Вы в душе своей возложили.

Да, вы знали, это бывает:
Два письма — что их нет в живых!
А победа так опоздает,
Что придет к вам уже без них...

Но представить, что все пропало,
А они живыми пришли,—
Просто совесть не позволяла,
Просто думать так не могли.

От войны в любую минуту
Мир души вашей был зависим.
И, без громких слов, вы салютов
Часто ждали не меньше писем.

9

А теперь — о самом тяжелом.
В сорок пятом, в зимнюю стужу,
Наконец-то с фронта пришел вам
Долгожданный вызов от мужа:
Чтобы вы выезжали сразу,
И такие две нежных фразы,
Даже холод прошел по коже,
Даже на него не похоже.

И уже чемодан под полкой,
И, с улыбкой слезы мешая,
Дочка просит: — Чтоб ненадолго!
— Ничего, проживешь... Большая!

И глядите почти без грусти,
Как перрон поплыл понемногу.
Как ни странно, дурных предчувствий
У вас не было всю дорогу.

Вам казалось, что все понятно:
Он вас ждет к одной годовщине,
К той, которую так приятно
Не самой напомнить мужчине!
Дело было теперь за вами,
Как в дороге не сплеховать бы,
Оказаться там, куда звали,
К дню серебряной вашей свадьбы.

И успели! К удаче вашей,
Через три гробовых метели
Лейтенант, вас звавший мамашей,
Свой «У-2» дотащил до цели.

А потом с адъютантом мужа,
Вдруг на сына чем-то похожим,
Целый час еще — бездорожьем,
Ранней оттепелью, по лужам...
И, подпрыгивая на сиденье,
Все вопросы, за все три года:
— Не болел ли? Не поседел ли?
Как нога в дурную погоду? —
Адъютант отвечал сурово,
Словно стоя перед ревизией:

— Никак нет, командир дивизии
Не болел. И сейчас здоровый.—
Точно так. Генерал весь белый.—
А давно ль — адъютант не знает;
Прежний знал, да миной задело,—
Он лишь временно заменяет.

Муж не встретил — уехал в части.
Но и тут, пока его ждали,
Что нагрнуло к вам несчастье,
В эту ночь вы не угадали.

Только утром, когда при встрече,
Весь залеплен грязи кусками,
Он, не сняв шинели, за плечи
Взял вас дрогнувшими руками,
А глаза его затосковали
Молча, мимо глядя куда-то...
Словно сердце вам оборвали
Тем нелгушим взглядом солдата.

«Что — убит?» — о сыне спросили
Тоже молча, глазами только.
И почти не людским усилием,
Деревянно сели на койку.

Утешать вас даже не пробуя,
Муж сидел, говорил, как было...
Зная сам, что оба до гроба вы
Не смиритесь с этой могилой.
— Посылать тебе извещение
Не хотел... Хотел тебе сам... —
И, как будто прося прощенья,
Гладил, гладил по волосам.

Вы сидели не живы словно —
Умереть, заснуть, не вставать бы...
Так вы встретили, Марья Петровна
День серебряной вашей свадьбы.

А назавтра «виллис» заправлен
Так, чтоб сделать двести и двести:
Генералу к соседу справа
Надо съездить с женою вместе.

Все оформлено по закону:
Сам командующий по телефону,
Материнского горя ради,
Разрешил отлучиться на день.

Зная, как возить генерала,
Жал водитель все девяносто!
Аж брезент на лету сдирало,
Да мелькали польские версты.

А жена с генералом рядом
Села, руку рукою сжала,
И ни влево, ни вправо взгляда,—
Словно тут сто раз проезжала.

Как впилась в стекло ветровое,
Так и смотрит, даже обидно,—
Будто видит что-то такое,
Что другим никому не видно.

Генерал ей и то и это:
— Не замерзла? Не продувает? —
А она на все — без ответа.
Только руку крепче сжимает.

Да, он прав был, этот водитель,—
Всю дорогу, в метели вóлнах,
Вам казалось, что вы глядите
На далекий маленький холмик,
Где лежит на землю уроненный
И землею той же прикрытый
Сын ваш — месяц назад схороненный,
Но для вас — лишь вчера убитый.

И когда вы наземь слезали
У фанерного обелиска,
Вы все это издали знали —
Только вдруг увидели близко.

Вы не плакали, не рыдали,
А дрожа, как в лютую стужу,
Молча два часа простояли,
Опираясь на руку мужа.
И уж было совсем собрались,
Но, не выдержав, обернулись —
И вот тут-то и разрыдались!
А когда, наконец, очнулись,
Оторвав глаза от платочка,—
Глаз других увидели муку
И с пучком озябших листочков
На могилу легшую руку.

Перед вами тихо стояла
Девушка в солдатской шинели,
Видно, вас тут пережидала,
Даже руки все посинели.
Где цветы она отыскала,
Где зимой — в январе — достала их?
А лицо такое усталое,
Словно месяц глаз не смыкала...

Вас обеих какой-то силой
Уж почти толкнуло друг к другу...
Но она ль себя не пустила,
Вы ль не сразу подали руку —
Вдруг рванулась, как от погони,
И ушла без слез, без вопросов.

И запомнились только косы,
Да снежок на левом погоне,
Да листочков зеленых чудо
На снегу, на могиле сына,
Да самую, невесть откуда,
Имя данное — Катерина....

На обратном пути смотрели
На лежавшие при дорогах
Танки, что здесь насмерть сгорели,
На деревья в черных ожогах,
На часовни без крыш и окон,
Все, как в оспе, в следах осколков.
Как от дому уже далеко...
А идти еще надо сколько!

Сколько будет еще, кто знает,
Этих — со звездой — пирамидок,
На холмах, друг друга сменяя,
Не скрывающихся из виду!

Если б каждая, что теряла
Сына в каждом смертном бою,
Над могилой, как вы, стояла,
Принося сюда скорбь свою, —

Даже только на этих склонах,
На просторах этих полей
Их не счесть бы — фигур, согбенных
Над могилами сыновей.

Плыл вечерний дымок над хатой,
И обочиною, сторонкой,
Шли молоденьких два солдата
С фронтовой, в сапогах, девчонкой;
И как дома, тоненько-тоненько,
Позабыв, что кругом война,
Где-то пела вдали гармоника,
Чтоб слышней была тишина.

Генерал из машины вышел,
Посмотрел на красный закат
И угрюмо сказал: — Затишье! —
Так, как будто он виноват.

Вы смолчали, Марья Петровна,
Сами знали, что долг отца —
Путь оставшийся хладнокровно
За двоих пройти до конца.

Ну, а вы? Неужели даже
И теперь он вас не поймет?
Что нужны вы ему — не скажет,
Здесь остаться не позовет?

Ночью, за невеселым ужином,
Встал, сказал сурово, без жалоб:
— Порознь, думаю, будет хуже нам,
Лучше, если б не уезжала.
Где-нибудь тебя определим,
Там, где надо, не как жену, —
В ППС или в политотделе
Довоюешь с нами войну.

Сел, замолк, словно снова нет его.
Да, недаром вы четверть века
И любили и знали этого
Неречистого человека,
Говорившего слово «нужно»
Только — если уж до зарезу,
Говорившего слово «дружба»
Только — если уж как железо,
И сидевшего терпеливо,
Ожидая от вас ответа...
Даже в горе почти счастливой
Вас минута сделала эта.

Утешенья, ласки — все мимо,
Все не во-время, глупо, рано,
Только словом «необходима!»
Заживляют смертные раны...

Для того и позвал сюда:
— Ты нужна. Остаешься?
— Да!

Третью трубку курю, скучая
Без хозяина и хозяйки.
Головами тихо качая,
Липы шепчутся на лужайке.
И, как вежливые домохозяи,
Пошуметь отлетев в сторонку,
Даже дятлы в парке стучатся
Не как наши — редко, негромко.

Где-то близко тени мелькнули,
Под ногою ветка сломалась...

— Как вы тут без нас? Не заснули?
Мы с женой загуляли малость!

Генерал садится в качалку,
Как обычно, немногословный,
Тронув за конец полушалка,
Чтоб присела и Марья Петровна.

— День в делах, а поближе к ночи
Так бывает домой охота...
Вот и ходим, дорожки топчем,
Мы ведь с нею оба — пехота.

Кисть платка тихонько покручивая,
Погрустнев, притомившись за день,
Вы сидите с мужем, задумчивая,
В потемневшее небо глядя.

На земле кругом все немецкое,
А луна нездешняя — русская.
И, песком посыпана, детская,
Вьется небом дорожка узкая,
Вьется вдаль надо всем, что пройдено:
Над местами, где муж служил,
Над полями, где сын за родину
Честно голову положил,
Над Курильской грядой бессонною,
Где небось уж рассвет встает
И где ваша дочь

 гарнизонную
Службу с мужем своим несет,—
С тем, казавшимся вам отпетым,
С тем отчаянным, с тем проклятым
Капитаном, что из Посьета
Взял увез ее в сорок пятом...

А теперь давно, как ни странно,
Они счастливы оба с Машею,
И зовут майора Иваном,
Как Ивана Степаныча вашего.

Тянет в небе далекой гарью...
Хорошо, что не только тут,
Что вторые Иван да Марья
На Курилах где-то живут
И что всюду, где есть военный
Самый маленький городок,
Есть и этот, обыкновенный,
Неразлучный, как вы, цветок.

Василий Федоров

*

ЛЕНИНСКИЙ ПОДАРОК

На юге,
В подкове предгорья,
Где в марте отыщешь цветок,
У самого синего моря
Беленый стоит городок.
Бушует в нем зелень густая,
И мнится,
Коль с моря взглянуть,
Что там голубиная стая
Присела в пути отдохнуть.
Вот, кажется, город взовьется
И улетит далеко...
В нем сердце спокойнее бьется
И дышится людям легко.

Утрами по улице тихой,
К шажку прибавляя шажок,
Чуть горбясь, седая ткачиха
На теплый идет бережок.
Не надо искать знаменитей:
Всю жизнь, что в труде прожила,
Она из тонюсеньких нитей
Большую дорогу ткала.
Трудилась,
Теперь отдыхает.

Ничто здесь ее не томит.
Она свою жизнь вспоминает,
А Черное море шумит...

*

В те дни,
Когда по снежным падям
Под Нарву шел за строем строй,
В настороженном Петрограде
Служила Надя медсестрой.
Бойцу привычно не бояться,
Смерть у него одна, а ей
В ту пору довелось сражаться
Со множеством чужих смертей.
Она была храбра, но в стуже
Неотопляемых палат
Боялась Надя встретить мужа
Средь умирающих солдат.
И все ждала о мире слова
Так страстно,
Как солдатки ждут...
День проходил, второй — и снова
К подъезду раненых везут...
Опять сестра бежит к воротам
По лестнице особняка.
Навстречу Наде быстрый кто-то:
«Носилки не нужны пока...»
Порывист,
В жестах откровенен,
Столкнувшись с ней лицом к лицу,
Стремительно поднялся Ленин
По госпитальному крыльцу.

На многих рваные халаты,
Бинты замкнутые видны...

Ильич осматривал палаты
 И повторял:
 «Бедны, бедны!..»
 То добрый,
 То сурово резкий,
 Вступая в темноту палат,
 Он видел чистыми до блеска
 В то время
 Лишь глаза солдат.
 Они, подернутые горем,
 Светлели перед Ильичем.
 «Товарищ Ленин, мы вот спорим...»
 Ильич подался:
 «И — о чем?»
 Ответил юный, смуглолицый,
 С повязанною головой:
 «Мы спорим... Надо ль замириться
 С буржуазией мировой?»
 Ильич молчал
 И только взглядом
 Спросил: и вывод, мол, каков?
 «Вот старики твердят, что надо».
 «Вот, вот...
 И я за стариков...
 Когда за власть буржуи ссорятся,
 Война народу не с руки...
 Нет, нет! И пусть не хорохорятся
 То-о-варищи меньшевики!
 Мир, мир!
 И только мир!»
 При этом
 Он, вглядываясь в полутьму,
 Все щурился, как бы от света,
 Который виделся ему.

•
 Когда в глаза ему смотрели
 Людей голодных сотни глаз,
 Он видел, как они теплели
 От гордой мысли, что у нас
 Все будет!..
 Нужно лишь терпенье!
 У юной медсестры тогда
 Забылись страхи и сомненья,
 Забылись горе и нужда.

О многом
 В этот миг забыли.
 Почти никто не услышал,
 Как в ленинском автомобиле
 Мотор голодный зачихал.
 Ильич уехал; вслед солдатки
 Глядели.
 Вспомнили они:
 «На нас заплатки и заплатки...»
 «Да что ж мы?!»
 «Надя, догони!..»
 «Ты смелая!.. Проси не пищи,
 Проси обувь... Должен дать...
 Она на рынке стоит тыщи,
 Обувка-то!..
 А где нам взять?!..»

Рванулась...
 Вот пустырь, заводик...
 Цель ближе... вот совсем близка...
 И догнала
 Чихавший фордник
 У неисправного мостка.

Ильич,
На мостик выйдя древний,
Пока саперы чинят путь,
Как мужики порой в деревне,
Присел на бревна отдохнуть.
Смеялись
Лучики-морщинки,
И Надя прямо как на грех
Увидела его ботинки,
Поношенные, как у всех.
«Ну, как просить?!» —
Вдруг тесно стало
Уже заученным словам.
Она шагнула и сказала:
«Я от солдаток...
С просьбой к вам.
Они... они не просят пищи...
Обувку бы... пар двадцать пять...
Она на рынке стоит тыщи,
Обувка-то!..
А где им взять?!»

«Да, верно».
Ленин приподнялся
И, на ее взглянув башмак,
«А вам?» — спросил.
И рассмеялся
И весело и грустно так.
Он стал,
Как показалось Наде,
С мастеровыми чем-то схож;
Прикинул, на ботинок глядя:
«Э-э, нет!.. Уже не подошьешь!..»

Вдруг резче
Меж бровями складка,

И сразу смех и шутка — прочь!..
«Так вот, товарищ делегатка... —
Вздыхнул, —
Попробуем помочь!..
Глаза прищурились в заботе
При виде сбитых каблуков.
«Вы молоды, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

*

Весной,
К прилету первой стаи,
На улицах и берегах
Снег залежавшийся растаял,
И по Неве прошла шуга...
А мир тогда
Был слишком краток;
Бойцов измученных леча,
Забыло двадцать пять солдаток
Про обещанье Ильича.

Однажды
Дождь шумел обильный,
Все сеткой затемнил кругом.
А к Наде вдруг
Пришел посыльный
И пригласил ее в ревком.
Шла под дождем она, по лужам,
Готовясь горе перенести:
Она решила, что о муже
Недобрую там скажут весть.
Шла тихо-тихо,
Тщетно силясь
Покорной быть судьбе своей.
Под ливнем
Косы становились
Все тяжелей и тяжелей.

Вот и вошла,
Не замечая,
Как потекли с нее ручьи.
Ее, всю мокрую, встречают
Суровые бородачи.

И самый старший из ревкома
Спросил у медсестры тогда:
«Сестра, вы с Лениным знакомы?»
Смутилась и сказала:
«Да!»

Тут бородач оправил китель,
Должно с кадетского плеча,
И вытянулся: «Разрешите
Вручить подарок Ильича».
И Наде подали коробку.
«Неужто только мне одной?!» —
Подумала и робко-робко
Взяла подарок именной.
И даже вздрогнула немножко,
Когда вдруг скрипнули в руках
Красивые полусапожки
На аккуратных каблуках,
Не на шнурках, а на резинке...
И кроме этих, именных,
Еще солдатские ботинки
Ильич прислал для остальных.

Без красноречья, как умели,
Подарок Ленина вручив,
Заулыбались, подобрели
Суровые бородачи.

*

В подарок тот
Принарядиться
На праздник — вот бы хорошо!..
Дни пролетали вереницей,
А к Наде праздник
Все не шел.
Бывало, поглядит в окошко:
Вот, дескать, кончат воевать,
Она в своих полусапожках
Пойдет любимого встречать.
И милому на удивленье,
Чтоб лишним, чем не укорил,
Она расскажет, как ей Ленин
Сапожки эти подарил.
Но нет!
И ей, как многим женам,
Судьба потерю нарекла:
На муку чувствам береженным
Любимого не сберегла.
Но от беды у ней устало
Не опустилась голова...
В дни мирные ткачихой стала
Двадцатилетняя вдова.

А вскоре
Боль другой потери
Хлестнула по сердцу, как плеть...
Она жила, как бы не веря,
Что Ленин может умереть.

И день прощанья был неярок,
Боль, не стихая, сердце жгла...
В бесценный ленинский подарок
Обулась Надя и пошла.

Пришла.
Толпа у фабзавкома,
А снег над ней кружит, кружит...
«Ты,— шепчут,— с ним была знакома,
Иди к трибуне, расскажи...»
А что она в слезах расскажет,
Когда в глазах круги, круги?..
То слёзы вытрет,
То покажет
На дареные сапоги.
Сначала голос был невнятен,
Но вскоре даже с дальних мест
Стал удивительно понятен
Ее рассказ,
И этот жест,
И то, как вождь сказал в заботе
При виде сбитых каблучков:
«Вы молоды, вы доживете
До модных туфель и шелков...»

*

«За жизнь-то
Хлебнула я лиха.
Достаток повелся не вдруг...» —
Замолкла седая ткачиха
И радостно смотрит вокруг.

У стареньких
Счастье во взглядах,
Почти как у малых ребят.
Вон девушки в ярких нарядах,
Сбегая на берег, шумят...
Одна беззаботно смеется,
Другая с восторгом глядит:
Волна к ней навстречу несется,
И гребень на солнце горит.

Глядит и ткачиха влюбленно
На то, как за гребнем, вдали,
Приветствуя город беленый,
Спокойно идут корабли.
Все, все,
Что ее окружает,
Что радует сердце и глаз,
На сто голосов продолжает
Не конченный ею рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Маргарита Агашина</i>	
Дети Сталинграда	7
Осень	8
<i>Всеволод Азаров</i>	
Улица Маяковского	10
<i>Маргарита Алигер</i>	
Первое стихотворение	13
Слово к матерям	16
<i>Агния Барто</i>	
Советчик	19
Лешенька, Лешенька...	20
Дедушкина внучка	21
Леночка с букетом	22
<i>Федор Белкин</i>	
Молодой маляр	24
<i>Виктор Бершадский</i>	
Звонок из Кремля	25
<i>Сергей Васильев</i>	
Украинскому брату	27
Молодоженам	29

<i>Евгений Винокуров</i>	
Личное дело	30
<i>Николай Грибачев</i>	
Уходит день...	32
К весне	33
Ожидание	34
<i>Валерий Дементьев</i>	
«Лугов цветное разнотравье...»	35
Старый учитель	36
<i>Евгений Долматовский</i>	
Старый адрес	38
Ночная школа в Северном Вьетнаме	39
<i>Борис Дубровин</i>	
Ладоны	41
«Мы насыпали землю малой мерой...»	42
<i>Евгений Евтушенко</i>	
Мать Маяковского	43
Родина	44
<i>Александр Жаров</i>	
Тульский баян	48
<i>Василий Журавлев</i>	
Про Ермильча	50
<i>Вера Инбер</i>	
Овеянная славой	55
Океан	56
<i>Александр Коваленков</i>	
Лермонтов в Пятигорске	60
<i>Осип Колычев</i>	
О Китае	62
<i>Василий Кулемин</i>	
Граница	63

<i>Михаил Курганцев</i>	
Юность	65
<i>Григорий Куренев</i>	
Новосел	67
Дополнение к протоколу	69
<i>Юрий Левитанский</i>	
Осень	73
<i>Владимир Лифшиц</i>	
Три десятых (Из стихов для детей)	76
<i>Борис Лихарев</i>	
Подарок бойца	79
<i>Владимир Луговской</i>	
Свадьбы	82
Иван Федоров	85
<i>Михаил Луконин</i>	
Ты	90
Знакомой красавице	92
<i>Михаил Львов</i>	
Голос	95
<i>Марк Максимов</i>	
Сказка	97
<i>Самуил Маршак</i>	
Где тут Петя, где Сережа?	101
<i>Михаил Матусовский</i>	
Назым Хикмет в Гаграх	106
<i>Сергей Михалков</i>	
Коты и мыши	108
В знойный день	109
Петух-болтун	109
Бюрократ и смерть	110

<i>Алексей Недогонов</i>	
Журавлиная почта	111
Дорога моей земли	113
Предсказание	114
<i>Лев Озеров</i>	
Первопутник	116
<i>Александр Ойслендер</i>	
Маяк	117
<i>Лев Ошанин</i>	
Зоя Павловна	119
Стихи об одной любви (Из цикла стихов)	121
<i>Глеб Пагирев</i>	
Сыновья	129
Девочка	130
<i>Александр Прокофьев</i>	
Радуга	132
Предвесеннее	133
На солнечном плесе	133
<i>Александр Решетов</i>	
Перед дорогой	135
<i>Николай Рыленков</i>	
«Всегда задумчива, скромна...»	137
«Пусть говорят, что яблоневым цветом...»	138
«В опустевшем поле скучно птицам...»	138
<i>Илья Сельвинский</i>	
Первый пласт	139
<i>Николай Сидоренко</i>	
На выставке цветов	142
<i>Сергей Смирнов</i>	
Ленин	143
<i>Марк Соболев</i>	
Поэту	144

<i>Николай Старшинов</i>	
На станции «Маяковская»	145
<i>Федор Сухов</i>	
В степи	147
<i>Людмила Татьяничева</i>	
Мама	149
<i>Николлай Тряпкин</i>	
«Сама и хату подмела...»	150
Рейд	151
<i>Вероника Тушнова</i>	
Тишина	154
Мать	155
<i>Виктор Урин</i>	
Мы оба спешим на свиданье...	158
Есть трудности...	159
<i>Николлай Ушаков</i>	
Стихи без названия	161
<i>Илья Френкель</i>	
Сватовство	164
<i>Леонид Хаустов</i>	
Воспоминание	170
<i>Яков Хелемский</i>	
Из стихов о Шевченко	172
<i>Вадим Шефнер</i>	
Бессмертие	174
<i>Степан Щипачев</i>	
«Тень облачка скользит по раме...» . . .	176
Из албанских мотивов	177
<i>Тамара Ян</i>	
Возница	178

<i>Александр Яшин</i>	
Охотник	179
Спокойнее вдвоем	181
Первая песня	183
В горном Алтае	185

ПОЭМЫ

<i>Павел Антокольский</i>	
В переулке за Арбатом (Из поэмы) . . .	189
<i>Константин Ваншенкин</i>	
Сердце матери	199
<i>Семен Кирсанов</i>	
Вершина (Из поэмы)	212
<i>Константин Симонов</i>	
Иван да Марья	223
<i>Василий Федоров</i>	
Ленинский подарок	256

СТИХИ 1954 ГОДА

Редактор *Л. Белов*

Оформление художника *В. Носкова*

Технический редактор *Ж. Примак*

Корректор *Р. Гольденберг*

*

Сдано в набор 27/VII 1954 г. Под-
писано в печать 31/X 1955 г., А 06133.
Бум. 84×108¹/₃₂. 17 печ. л.=13,94 усл.-
печ. л. 10,02 уч.-изд. л. Тираж 75 000.
Цена 7 руб.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжно-журнальная ф-ка Главиздата
Министерства культуры УССР,
Киев, ул. Воровского, 24.